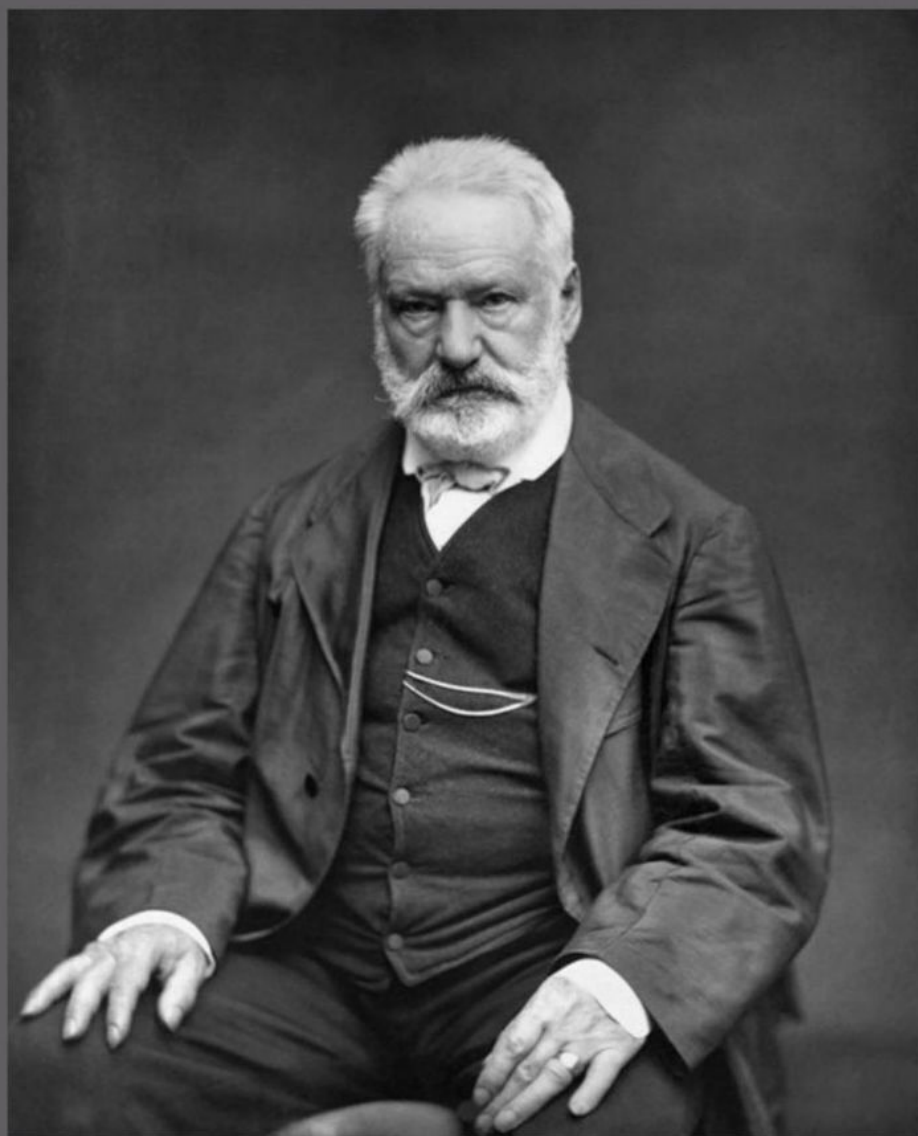

Виктор Гюго

ВОЗМЕЗДИЕ

ПОЭМА

Виктор Мари Гюго
Возмездие. Поэма

«Издательские решения»

Гюго В.

Возмездие. Поэма / В. Гюго — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837410-4

Эта поэма классика французского романтизма Виктора Гюго была написана в трагический для автора период, когда президент Французской республики Луи-Наполеон Бонапарт, племянник Наполеона I, совершил государственный переворот, распустил Национальное собрание, арестовав лидеров оппозиции. В кровавые дни декабря 1851 года погибло много безоружных, невинных людей. В. Гюго, как истинный патриот, не мог остаться в стороне. Противостояние Наполеона III и В. Гюго длилось почти 20 лет...

ISBN 978-5-44-837410-4

© Гюго В.

© Издательские решения

Содержание

К читателю	6
Предисловие	7
В момент возвращения во Францию	8
Ночь	11
Книга I Общество спасено	21
I. Когда, затем, чтобы почтить тирана	21
II. Тулон	22
III. Сюда идите! Здесь скопление прихожан	24
IV. На смерть 4 декабря	26
V. Эта ночь	27
VI. Te Deum 1-го января 1852	29
VII. Ad Majorem Dei Gloriam (К вящей славе Божией)	31
VIII. Мученику	33
IX. Искусство и народ	37
X. Песня	38
XI. О! Знаю я...	39
XII. Карта Европы	41
XIII. Песня	43
XIV. И ночью глубокой...	44
XV. Очные ставки	45
Книга II. Порядок восстановлен	46
I. Идиллии	46
II. К народу	48
III. Воспоминание о ночи 4-го	51
IV. О солнца божественный лик	53
V. Покуда справедливость в бездне	54
VI. Другой правитель	56
VII. В пассивном повиновении	58
Книга III. Семья возвращена на престол	66
I. Апофеоз	66
II. Человек смеялся	68
III. Басня или история	69
IV. Он – гнусный и убогий!..	70
V. Дворцовые интриги	73
VI. Восточное	74
VII. Добрый буржуа в своем доме	76
VIII. Великолепие	78
IX. Веселая жизнь	81
X. Император забавляется	85
XI. Тропинки, где травка на взгорье	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Возмездие Поэма

Виктор Гюго

Перевод Алла Кочубей

© Виктор Гюго, 2024

ISBN 978-5-4483-7410-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

Вы держите в своих руках книгу великого французского классика Виктора Гюго. Автор известен своими многочисленными романами и поэзией. Но его поэма «Возмездие» имеет особое значение в его творческой деятельности. Это поэма-страдание, поэма-потрясение, прошедшая через сердце автора и через его судьбу. Она написана после событий, случившихся во Франции в декабре 1851 года, когда племянник Наполеона I Бонапарта, Луи-Наполеон совершив государственный переворот, распустил Законодательное собрание, арестовал, а позже уничтожил или отправил в ссылку и на каторгу около 20 000 своих противников и получил диктаторские полномочия. Плебисцит 20 декабря 1851г. утвердил его президентом сроком на 10 лет, через год он получил титул императора Наполеона III. Это было большим потрясением для многих французов, в том числе, и для Виктора Гюго. Не приняв насильственного захвата власти, совершенного с помощью французской армии с огромным количеством жертв среди гражданского населения, он начал борьбу с весьма непопулярным императором, имевшим прозвище Бустрада, составленное из первых слогов городов, в которых Наполеон III пытался осуществить свой замысел государственного переворота, успешно завершённый лишь в третий раз в Париже.

Будучи бонапартистом, почитателем великого Наполеона I и сыном генерала его армии, Виктор Гюго неоднократно в своих произведениях с восхищением пишет о нем и воспекает победы французской армии под знаменами императора, скорбит вместе с ним над поражениями и неудачами. Вместе с тем, племянник великого императора, которым гордится Франция, своими действиями обескураживает его и вызывает чувство неприязни и отвращения. Окружение Луи-Наполеона, его генералы, свита, их поведение, управление страной – все это раздражает автора своей нелепостью, недалечностью и отсутствием здравого смысла. Являясь членом Национального собрания и знаменитым писателем, он вступает в открытую конфронтацию с Наполеоном III, в результате чего он был вынужден покинуть страну и жить в Брюсселе. А продолжение этой борьбы, в частности, издание его книги «Наполеон ничтожный», повлекло его дальнейшую ссылку на о. Джерси, где и была написана его поэма «Возмездие», как и многие другие произведения.

Только в 1870 году, после свержения режима Наполеона III, Виктор Гюго смог вернуться на родину.

Именно этот период жизни великого французского поэта, романиста, драматурга и лидера романтического движения во Франции Виктора Гюго описывает он в своей поэме «Возмездие». Предлагаю читателю окунуться в мир его бушующих эмоций и праведного гнева!

Для облегчения восприятия происходящих событий и персонажей, упоминаемых В. Гюго, в конце поэмы имеется алфавитный указатель, составленный из данных открытых источников в сети интернет (преимущественно, Википедия и алфавитные указатели его произведений, а также издание поэмы «Chatiments» издательством «Гарнье-Фламарион» в 1979г. (Тур, Франция). Выражаю свою искреннюю благодарность тем, кто помог мне в работе над переводом.

А. Кочубей

К 215-й годовщине со дня рождения Виктора Гюго.

Предисловие

Оно было опубликовано в Брюсселе в сокращенном издании этой книги, которому предшествовали следующие строки:

- «Дача ложных показаний является преступлением.
- «Заговор является преступлением.
- «Незаконное задержание является преступлением.
- «Подкуп должностных лиц является преступлением.
- «Подкуп судей является преступлением.
- «Кража является преступлением.
- «Убийство является преступлением.

«Это будет одним из самых неприятных потрясений для будущих поколений, что в достойной стране, которая на фоне упадка всей Европы, сохранила свою государственность и, казалось, остается одним из последних и священных оплотов порядочности и свободы, это будет, скажем так, потрясением для будущих поколений, что именно в этой стране, были утверждены такие законы, которые сделали легитимным то, что во всех других существующих законах, созданных человеком в соответствии с законами божьими, во все времена называлось преступлением.

«Элементарная порядочность протестует против законов, защищающих зло».

«Тем не менее, патриоты, которые защищают свободу, великодушный народ, которому власть хотела бы внушить почтение к безнравственности, не отчаиваются. С другой стороны, виновные в этом, в лице великих мира сего, не слишком торопятся ликовать, взирая на сокращенный вариант этой книги.

«Что бы ни делали те, кто правит нами с жестокостью и какие бы угрозы над нами не нависли, те, кто считает себя повелителями людей, на самом деле являются лишь тиранами человеческого сознания. Человек, который борется за справедливость и истину, всегда найдет способ осуществить свое призвание сполна.

«Всемогущество зла приводило всегда лишь к бесполезным усилиям. Мысль всегда ускользает от попытки ее задушить. Она делается неуловимой под гнетом, она перетекает из одной формы в другую. Факел светит, но если его погасили или поглотили сумерки, факел становится голосом, и никто не сможет заставить его замолчать. А если вы поставите кляп в рот, то слово превратится в свет, который не заткнуть кляпом.

«Ничто так не покоряет человеческое сознание, как совесть и мысль о Боге.

«В.Г.» (Виктор Гюго)

В нескольких строках предисловия к изуродованному изданию книги, которые вы только что прочли, было обещание опубликовать книгу полностью.

Это обещание я сегодня выполняю.

*Виктор Гюго
Джерси*

В момент возвращения во Францию (31 августа 1870)

Когда Господь низвергнут, в скорбный час
Кто скажет,
Какая в жизни полоса грядет сейчас,
Как карта ляжет?

И что, скажи, в твоей протянутой руке,
Моя судьба?
Ухмылка мерзкая, зловещая во тьме
Иль ранняя звезда?

Не счесть их: темных, белых верениц,
Несметное число!
Заслуга Франции поскольку Аустерлиц,
Но есть и Ватерлоо.

Уйду, вернусь к твоим стенам,
Париж родной!
Тебе пылающее сердце я отдам
Души больной.

Когда великое дано нам сотворить,
Огнем горим,
Извне нам нужно тигра усмирить,
Змею – внутри.

Коль идеала сложно так достичь,
Растает он,
Поскольку нет великих, чтоб смести
Ничтожный трон.

Над небом взошёл рассвет роковой,
Печально смотреть!
И доли отныне не знаем другой —
Слава иль смерть!

В день крови людской и горящих домов —
День святой,
Увижу ль я трусов, бегущих врагов,
Возвращаясь домой?

Когда рядом враг, то мечта наша
Только одна,
Не власти прошу, риска полную чашу,
Как чарку вина.

Вот так, наши гости в родную страну
Возвратились врагами,
О, Франция! Верь, я вернусь, на колени паду
Пред твоими грехами!

Я высмею песни и когти их черных орлов,
Их бахвальство,
И долю страданий твоих разделить я готов
В час ненастья.

Взбешенный, под градом обид, разделяя позор
И несчастья,
Я Францией грежу, с душою, слез полной
И страсти.

Смиренный твой сын обещает Отчизне
Сражаться до смерти,
И в мыслях моих ты дороже мне жизни,
Поверь мне.

Ведь я – твоя плоть и сегодня к тебе я приду
Из забвенья,
Когда злобный недруг взирает на нашу беду
В вождельни,

Тогда ты полюбишь мое поклоненье тебе
И я выпрошу бога,
Огнем ослепленный твоим на прекрасном челе,
Что горит над Востоком.

Недавно еще, в дни веселья, безумной отваги
Мы верили мало,
Как стебли лозы, мы томились без влаги
И пламя сверкало,

Когда же дурман от победы и грез
Тебе были утехой,
Ты пела, объятая ложью сверкающих звезд
И успехов,

Звучали помпезно фанфары, хвалебные песни
Над миром,
Париж, я ушел, будто мрачный предвестник
Из Тира.

Когда же гоморровы власти оставили город
Холодный,
Тогда я вернулся к тебе очень скоро,

Минуя невзгоды.

И слушая песни твои, и восторженный бред,
И мечтанья,
Помпезность, веселье и роскоши цвет
Отрицал я.
Когда в скорбный день, среди орды дикарей
Сюда прибыл Аттила,
Я был уже здесь, стала бездной теней
Сцена мира.

О, Франция, буду я долго терпеть,
Пусть за волосы тянут,
Ведь ты – моя мать, эти кольца цепей
Я носить не устану!

С тобою я здесь, тут снаряды летят,
Гул разрывов,
Глядишь, я готов воевать за тебя
Или сгинул?

Не в той ли земле, где надежды в огне
Не остынут,
За долгую ссылку даруешь мне
Только могилу?

Брюссель, 31 августа 1870

Ночь

I

Послушай, ты же сам назначил эту ночь.
Властитель! Нам пора. Гони сомненья прочь!
Обнюхав в сумраке прохвостов, их штыки,
Бульдог Свободы зарычал и показал клыки;
Посаженный Карлье на цепь, он все же лаает.
Не надо ждать, зимою позже рассветает.
Ты видишь, государь! Добычи час пришёл,
Из замка ты, как вор в ночи, тайком ушёл.
Ты пьян уже от ярости, добавь хмельную чарку!
Настигни их врасплох, напав, как зверь, внезапно,
Противник будет окружен! Полки в казармах спят.
Вставай! Мешок за плечи! Вперед, а не назад!
Иди околицей, в руке фонарь горит неярко,
Возьми же нож. Страна уж сном объята сладким,
Удачный миг! И клятвами она покорена сейчас,
Не видит твоих властных, горящих темных глаз,
Пехота, конница, подъем! Снаружи толпы, орды!
Ну, воины, бойцы! Вяжите руки лордам,
Стреляйте в спины им, тем, кто сейчас в тюрьме,
Собранию, генералам и прочей кутерьме!
Гоните богачей ударом плоской сабли,
Сменив героев Франции на банду из Калабрии!
Вы, буржуа, смотрите на шайку неумных,
Алеет острый меч, хохочет демон темный,
Переворот рождается из кузницы огней!
Стоят трибуны за закон? Прирезать их скорей!
Наемники, прохвосты, блудницы и рабы!
Бодена и Дюссуба! Убейте их! В гробы!
А во дворах снует народ? Пускай себе идет!
Стреляй всю эту сволочь! К оружию! Вперед!
О, царь-народ! Ты скоро проголосуешь здесь!
Рубите саблей право, законы, доблесть, честь!
Пусть на бульварах сонных течет рекою кровь!
Вином бидоны полны! В носилках – трупы вновь!
Кто хочет водки? В этот тоскливо-мерзкий день,
Не грех и выпить. Дерзкий старик? Его убей!
Ребенка тоже. Кто там рыдает рядом с ним?
Ах, мать! Ну, так убейте! – И в ужасе весь мир.
– И пусть в крови утонут их туфель каблуки!
Париж-то этот гнусный, опять идет в штыки!
Пусть чувствует презрение и мести нашей след,
А их сопротивление сомнет наш интеллект!
Чужой бы чтит Париж, мы знаем путь верней!
Протащим-ка в грязи его, в хвостах своих коней!

Пускай умрет! И пусть его раздавит и сотрет!
И ядрами калеными из пушек заплюет!

II

Все кончено. Лишь тишина и сумрачный кошмар.
Хвала тебе, Пульман и император Суфлар!
Костры победы жгут из бревен баррикад;
У входа в Сен-Дени, под высотой аркад
Заметно пламя жаркое, светится и дрожит,
В бивуаке из банков гора мешков лежит.
Всё сделано, на отдых! И слышится то стон,
То скрежет сабель в ножнах, то денег перезвон.
Кто убивал, не дрогнув, тот – лучший среди нас,
И будет тот прославлен за этот злобный час.
В развалинах Парижа танцуют палачи,
А груды трупов скорбных погребены в ночи.
Солдат, сообщник тайный, хмельной и удалой,
Нечаянно споткнувшись, он оперся рукой,
На стену, им недавно раздавлен череп тут,
Они поют, гуляют, смеются и ведут
Расстреливать мужчин и женщин, и детей,
Их генералы в золоте, на седлах лошадей,
Глядят на мертвых, павших среди бедлама.
Правитель средств не выбирает! Bravo!
Скорей идем поздравить правителя дворец!
Потоки крови всюду, ручьи из крови здесь!
Она течет, и мантию свою чтоб не испачкать,
Фемида педантичная задрала выше платье,
А церковь веселится, ей что вино, что кровь,
Окуривает всё, чтоб угодить Вейо.
Как славно, что капрал над бреднями смеясь,
Прогнал с курульных стульев магистрат!
Ну, что ж! Теперь, на сердце руку положив,
Скажите мне, согласны ль Вы признать, без лжи,
Триумф Мандрена, и что честь Вам ни к чему?
Мандрен оплатит вашу преданность ему!
Что он отныне будет платить вам, и помногу,
Теперь бюджет его, нет риска, слава богу!
В предсмертии хрипят и право, и законы,
За вашей дверью труп лежит бесцеремонно.
Спешите прославлять его и петь ему осанну,
Забыв затрешины и оплеухи, как ни странно.
Ведь он в своих деяньях достиг последней грани,
Убив детей и стариков, страшны его деянья.
Падите низ перед убийцею с большой дороги,
Чтоб кровь отмыть, лижите ему ноги!

III

И он тогда подумал: «Повелитель этот,
И покоритель всех народов,

Пред кем великие вертелись так и этак,
Ходили босиком, плясали хороводом,

Наполеон в сражениях провёл пятнадцать лет,
Скитаясь между севером и югом.
Склонясь подобоострастно, целуя его след,
Все короли отдали дань его заслугам;

Он покори́л, прижав объятъем исполина,
Москву, Берлин, Мадрид.
Я Франции что сделаю? Ей в спину
Я когти погружу свои!

Вольнолюбивая страна, воспев свободы свет,
Зажгла огонь сердец;
Веревку понадежней я брошу ей вослед,
Чтоб задушить ее вконец.

Нам с дядей поровну от славы сундучок,
И каждый заберет своё,
Себе возьму набитый деньгами мешок,
Фанфары звонкие превознесут его,

Мне имя Бонапарта послужит пьедесталом,
В мою оно упало колыбель.
И карлик вырастет гигантом. Я его оставлю,
А сам вперед пойду быстреей.

Цепляюсь за правителя и следом я иду,
Все есть, чтоб поиграть судьбой,
Держаться за него, чтоб век не утонуть,
Иль поглотить его собой.

Неясыть я, держу орла и не краснею,
Я – низко, он – так высоко,
Попался! Годовщину юбилея
Его себе я выбрал уж давно.
Тогда я стану будто бы невидим,
Как человек с глазами в пол;
И вряд ли сможет кто-либо предвидеть,
Что в этот час несущему позор!

Так легче захватить противника врасплох,
В моих объятиях железных,
А Франция, она, в великолепии уснет,
На лаврах почивая бесполезно.

Помятый от разврата, со взглядом безучастным,
Тайком, с лицом, как у блудницы,

Ночной воришка лампу свою жжет напрасно
Пред солнцем Аустерлица!

IV

Победа! Так, князь, тогда тебе казалось!
От революций смуты лишь скука появлялась,
Девицам оперным невесело без русских;
Вчера – Жаннеттам, а теперь – Памеле грустной.
Так мало стало серебра у игровых притонов,
И даже Дон-Жуану, прославленному Гарпагону
Лишь струйка золота течет из тощих портмоне;
В исповедальнях и предлога для сенсаций нет!
А Сакре-Кёр, уснув своей природной смертью,
Так сильно истощен; протесты круговертью
Дразнят непрестанно швейцаров Маньяна;
Хохочут над проповедями Равиньяна;
Все чаще знати свет стучит в ворота шлюх,
Красавицам иным анархий гидра вдруг
Предстала в образе печального коня в лесу,
Тянущего фиакр на бал за тридцать су.
Лишь скорбь одна царит над Вавилоном,
Но ты явился всем колонной просвещенной,
Царишь повсюду и спасаешь знатных лордов,
Твои статисты же получают дань с милордов,
И все вокруг довольны: солдаты и народ,
Поют тебе осанну и церковь, и Жавот.
Поздравим и отметим! Идемте же скорей!
И все старье исчезло под шорох голубей.
У лакея Мандрена толпа страждущих душ,
У Тартюфа – свеча, а Фальстаф зажег пунш,
К Елисейским полям, где поет трубадур,
Все спешат: Монламбер и Парьё, и Сибур,
Эта шлюха Руэ и прислужник Тролон,
Всякий-каждый из тех, кто себя продает,
И кто право имеет вольно лгать и красть,
Тот – святоша, с ним высшего качества власть.
Кто презрен и мечтает остаться позорным,
В глубине же себя осуждая бесспорно,
Превращался в раба, чтоб сенатором стать.
Упоенно взирают на Цезаря стать.
Тот пирует, гуляет, будто из водевиля,
– Господа, мы как будто похвал заслужили!
Папавуан, Лойола говорят что об этом?
Ну, прохвостов теперь поторопим с ответом!
Обозначим-ка золотом славную дату.
Доставайте же флейты, барабаньте, солдаты!
«Salvum fac» прогорланьте, тотчас понемногу,
Пробирайтесь к пристанищу господ Бога,
Там хоругвии на мачтах воздвигнуты нам,

Полюбуйтесь на трупы! Победа! Mesdames!

V

Где ж они? У реки, во дворах, под мостами,
Где Мопя в водосток их цинично бросает,
В непомерно разросшейся братской могиле,
У дверей возле дома, на дорожном настиле,
Вперемешку повсюду в повозках лежат,
И в фургоне, в ночи, под конвоем солдат,
О котором тревожный Париж скорбит тайно,
Он от Марсова поля снаряжен не случайно.
О, мучений гора! Ты храни свое имя!
Те, кто умер от пушек, жестокой резни,
В этом поле, где тайны закрыли могилы,
Головами наружу захоронены были.
Так великий правитель обозначил им место,
Не страшась мертвых лиц и их вечной сиесты,
Со ртами приоткрытыми, застывшие в крови,
С лицом землисто-бледным и небом визави.
В своем немом спокойствии они еще ужасней,
С их лицами опухшими и синевой в подглазьях,
Во мгле, среди дрожащих от ветерка кустов,
Не каждый это кладбище преодолеть готов.
Здесь и праздный богач, и трудяга – бедняк,
Мать, похоже, дитя не отыщет никак,
Старик и красотка в обнимку со скелетами,
Красавица-невеста с губами фиолетовыми,
Они лежат бок о бок у тиса неподвижно,
И синевой подернуты взволнованные лица;
А в них отражены все преступления века,
Глазницы отрешенно глядят в пустое небо.
Кто-то бродит с утра с предрассветной росой,
Ищут тех, кто вчера не вернулся домой;
Видя их искаженные ужасом лица;
Та декабрьская ночь, что готова излиться,
Мертвецов накрывала своим саваном черным,
Стражник кладбища вечером, мрачным и темным,
Убегал побыстрее среди надгробий нестройных,
Содрогаясь от страха видеть лица покойных.
Их родные рыдали над роком судьбы,
Оневал горький ветер под саваном лбы,
Их безмолвные тени в тиши одиноки;
О, погибшие! Что Вы расскажете Богу?
Видеть всех этих мертвых казалось нелепо,
Всюду шеи торчат и глаза смотрят в небо,
На погосте, где кроны деревьев дрожат,
Донеслись звуки горна, Фемиды набат,
Мертвецы все проснулись, застыла природа,
Бонапарта увидев у ворот небосвода,

Он ничтожную душу принес Господу Богу,
Все свидетели вышли из могил на дорогу.
О. Монмартр! Когда ночь настает неизменно,
Здесь прохожий любой обойдет эту стену.

VI

Лишь месяцем спустя, вошел он в Нотр-Дам
Надменно. Струился терпкой мирры фимиам,
И башни вздрогнули под колокольный звон;
Архиепископ здесь же, среди святых икон,
Торжественная мантия в нелепой красоте,
В глубинах алтаря, подальше, на кресте,
Распятый Иисус в его глаза глядит.
Как нечестивец этот смел к Богу подойти?
Как волк, который лижется, когда ягнят задрал,
Усы пригладив, молвил он: «Я родину спасал!
О, ангелы! Примите ж меня в свой легион!
Семью и церковь защищал, порядок и закон!»
В его бесовском взгляде, с бесчестьем пополам,
Слеза вдруг заблестела ... – О, стены Нотр-Дам!
О, бездны, что открылись Иоанну Богослову,
О, твердь небесная, встречавшая Сеяна и Нерона,
О, ветры буйные, Тиберия принесшие на Капри,
В галере золоченой, в морских соленых каплях,
Дыханье утренней зари и севера зарница,
Скажите, что, фигляр? Он стал уже убийцей!

VII

О, ты, что бьешь своей волной,
На мои сложенные крылья под скалой,
Да, побежден, но ведь не сломлен я,
И тонет челн, и с ветром тешится пучина,
Зачем ты говоришь со мною беспричинно?
О, море темное, чего ты хочешь от меня?
Ты ничего не можешь! Точи плотины,
Гони волну, бросая клочья тины,
Оставь меня страданьям и мечтам;
Все воды и глубин дыханье,
Увы! Прошли бы мимо злодеянья,
О, море, неподвластное годам!
Я понял. В отвлеченьи ищешь путь.
Ты говоришь: «Брат мой, покоен будь,
Спокойствие, озлобленный мудрец!»
А ты, о, море, тянущее в глубину,
Ты можешь упокоить разъяренную волну,
Соленой горечи и чистоты венец?
Ты веришь в свою царственную власть,
Тебе несут свои восторг и страсть,
Судьба твоя прекрасна и горда,
И небеса сияют неизменно,

И каплями твоей волны священной
Омыта предрассветная звезда!
Ты говоришь: «Иди, забудь мечту!»
Ты мне показываешь сломанную мачту,
Зеленые утесы и камни без границ,
Морскую пену вдалеке, она устало
Кипит и падает на пепельные скалы,
Как стая белокрылых птиц,
Где рыбаку так всласть поется,
Морская гладь, куда ладья несётся,
Моряк бывалый у штурвала,
Большие волны бьют ладью.
Ты, море, милость даришь мне свою
С безмерным ужаса оскалом.
– «Отдай мне душу! – говоришь.
– Со мной ты гнев свой усыпишь,
О, путник, брось свой жезл прибою,
И обрати ко мне свой грешный взгляд».
Ты говоришь, тобою усыплен Сократ?
Здесь и Катон был тоже упокоен.
Нет! Уважай суровый ум,
Взбешенный от тяжелых дум,
И разум, от злодейства истомленный!
О серых скалах и победах говори,
Оставь мои терзанья, что внутри!
Тебя я ненавижу, берег темный!
О море! Иль не ты, служака,
Всё тащишь на себе куда-то
Средь рифов, неба, полутьмы,
В Кайенн, в глубокие каньоны
Понтоны черные, которые на волнах
Болтаются, как мрачные гробы!
Разве не ты – не лицемерь! —
К могилам открываешь дверь,
Все наши жертвы там недвижно спят,
Во трюмах, где соломы даже нет,
И медной шеей опираясь на лафет,
Там пушки, порохом набитые, стоят.
Но от страданий и от вечной муки
Те гордецы уж опустили руки,
Тогда, не ты ли, бездна назначаешь
Им наказание в этот скорбный час,
И, как приспешник, своим гулом ты подчас
Отчаянные крики их скрываешь!

VIII

Так было! – история промолвила тогда,
И перестала плакать, краснея от стыда.
Когда очнется нация от полного забвенья,

Когда придёт миг святого искупления,
О, меч кровавых дней, не выходи из тьмы!
Нет-нет! Он – не для всех, для демона войны,
Чтоб наказать предателя, чтоб мрачный день угас,
Луч боли и страдания сияет в этот час!
В воспоминаньях стынет серьезный, мудрый ум!
Жандармы с саблей наголо, тележки старой шум,
Слышна дробь барабанов, призывы мчатся в бой,
Толпа сидит на крышах, бежит по мостовой,
Былые забастовки, и сумрак злочных мест,
Косые треуголки мелькали где-то здесь.
О, мрачные виденья! Покиньте мои сны!
О небо! Мы здесь с миром и не хотим войны,
И всяк свою работу вершит в погожий день,
Поэт благообразный воспел труды людей,
Трибун громкоголосый вещал до хрипоты,
Ломались эшафоты и троны, и щиты,
И с каждым днем слабели страданья и вражда,
Перед людьми открылась священные врата,
И Франция шагает, в груди огонь святой,
Но вот, пришли те люди, страны позор живой,
Бандит, елеем мазанный, водою окроплен,
И эти негодяи, несут резню и стон,
Убийство, кровь и смерти, все ужасы войны,
Засеяли невзгодой судьбу родной страны.
О, господи, помилуй! Дрожишь, как будто, весь,
Услышав лишь два слова – репрессии и месть,
Я тоже вне закона, в тернистых берегах,
Печальный, я мечтаю, сжав голову в руках,
Я чувствую порою, подняв свое крыло,
Что скоро дни настанут, в них верилось давно!
Громада с ясным взором и пылкою душой,
Мятущиеся люди взывают: Ангел мой!
О, муза! Революция! Тебя я не постиг,
И гневом беспощадным горит твой гордый лик,
А род людской, поддавшись злодеям, подлецам,
Лишь о спасеньи молит, припав к твоим ногам.
Ах! ты разделишь, Дева, мучительную боль,
И с матерью божьей поделиться судьбой.
Выносливый трудяга, рабочий полугол,
И жнец, посланец Бога, не зря сюда пришёл,
Чтоб выкосить бы за день столетья нищеты,
Без страха и упрека, он с правдою на «ты»,
Под стать легионеру, что славится в веках,
Ты победил Европу, зажав в своих руках
Властителей коварных, их сокрушил навек,
Ты создан, чтоб собою предвосхитить рассвет,
Ты тот, кто злым террором свободу защитил,
Необходимость эту ты на себя взвалил!

В истории ты светишь, как яркая звезда,
Ты – ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ и будешь им всегда!
Ничто не будет ярче и пламенней, поверь,
Ты был рожден режимом, где ужас входит в дверь.
И воспитанье это, где дух свободы жил,
Имело все же силу в тебе, монархий сын,
Взращен плохим примером и нравами отцов,
Они в тебя вложили бунтующую кровь,
Не знал ты, что все это приносит боль и зло,
В ней ненависть со смертью смешалась заодно;
И сбросив Капетингов, тиранов, королей,
Боролся против них и бился, не жалея,
Сегодня мы ликуем благодаря тебе,
Свободы сын! Мы знаем путь к праведной судьбе,
Чтоб Франция хотела всегда и навека,
Чтобы любовь струилась по дремлющим брегам,
Святой закон Христа и братства чистота
Сияли бы над небом, как ранняя звезда.
Возлюбим же друг друга! С надеждой на устах,
Мы станем братством ангела в божественных лучах.
И святость этой веры нам освещает путь,
Чтоб даже и во гневе не меркла эта суть.
И принципам свободы наш разум подчинен,
Так мало – победить... В веках остаться – всё!
Итак, схватив злодея, дрожащего в тиши,
Мы наказаньем этим возмездие свершим.
Позор, не смерть. Покроем забвением те дни,
Былое королей навеки упразднив,
Страданья и пытки, и виселицы грех,
И будущему нации вернем счастливый век.
Где счастьем или горем владеет вечный мир,
Согласие, в объятьях нас всех объединив,
Опустит перед нами почтенную главу!
О! Хоть бы не сказать простому бедняку,
Что его путь к согласию так труден и далек,
О чем гласил Вольтер и что пророчил Бог,
Что все это – неправда, и меч войны сложив,
Наш век проклял понятие – благочестиво жить.
Увы! Достаточно уже поры бесчестной этой,
Чтоб потерять казну, набитую монетой!
Что ж, можно строгим быть и слыть скупым притом,
И пусть не говорят, что лишь ради него,
Корзину с гильотиной, что ранее по праву
Февраль отбросил прочь в зловонную канаву,
Вернул на место вновь, и на твоих глазах
Сверкает снова нож в мозолистых руках.
И укрепив свой постамент среди немых надгробий,
Она вернула нас на землю из утопий!

IX

Ты, что читаешь Ювенала, зазнавшегося от таланта,
Иль свет в глазах твоих сияет от гения
блистательного Данте,
Негодования муза пусть станет твоей частью,
Воздвигнем над империей, сверкающей от счастья,
Поэзии венок. И озарив триумф лучами света,
Найдем позорные углы, чтобы рожден был эпос!

16—22 ноября 1853. Джерси

Книга I Общество спасено

I. Когда, затем, чтобы почтить тирана

Когда, затем, чтобы почтить тирана,
Твои колени, Франция, согнутся,
Раздастся звучный голос из тумана,
Посаженные на цепь содрогнутся.
И тот изгнанник, что считая звезды,
Взирает на морской пучины сон,
Он, также как и те, что тонут в грезах,
Воскликнет гневно в сумраке ночном;
И молнии блистают непрестанно,
В его словах угроза прозвучит,
Как будто руки держат неустанно
Холодный меч в бушующей ночи.
Они заставят содрогнуться мрамор
И горы, что темнеются вдали;
Деревьев кроны за старинным храмом,
От крика вздрогнут и замрут в ночи;
И зазвелят они набатной медью,
Как зов ночной, что воронов манит,
Дыхание со привкусом возмездья
Былинки на могилах озарит.
Провозгласят они позор всеобщий
Убийцам и всей этой гнусной лжи!
И души позовут уже усопших,
Тех воинов, кто головы сложил!
Над поколениями, что позже будут,
Парить им суждено, что было сил.
И если те, кто живы, вдруг забудут,
Они поднимут мертвых из могил.

30 марта 1853. Джерси

II. Тулон

I

В те времена то был упавший город
Под властью англичан, властителей морей,
Который пушками согнули и террором,
Он исчезал средь всполохов огней.
Орудий гром в ночи его тревожил,
И в ранний час, когда рождался день,
И Альбион его когтями искорежил,
Республика мужала от дьявольских когтей.
Помятые фрегаты у причала,
Лохмотья флагов хлещутся вдали;
Орудий жёрла замерли устало,
Стелился дым над проседью земли.
Рев укреплений, взрывы полной силой,
От вспышек яростных волна светилась так,
Как будто бы небесное светило,
На молнии рассыпалось впотьмах.
О, как блистательны истории страницы,
Где все смешалось, мачты, якоря,
Сигналы боцмана, снаряды и зарницы,
Безмерным ужасом объятая земля.
О, Франция! Твоя судьба примером
В истории на тысячи веков,
Навстречу тиграм королей и их пантерам,
Ты снарядила всемогущих львов.
Четырнадцать неустрашимых армий
Стояли грудью за республику горой,
В морях и океанах побеждали,
Героев сотни выбросив долой.
И на рассвете солнечном, играя,
Внезапно ослепляя им глаза,
Вставали незнакомцы, прославляя
Неведомые прежде имена.
Им дни казались беспримерной былью,
Они кричали: Доблесть или смерть!
И слава, распластав над ними крылья,
На лица храбрецов пролила свет!

II

Сегодня здесь вконец весь стыд потерял.
Здесь каждый низок, злонамерен, ядовит,
В грязи бывшее счастье он намерен
Топить, как душу утопил уже в крови;
Монеты в кузницах чеканят «блинопеки»,
Клятвопреступник и развратник-педофил,

Грабитель, нож приставив к горлу у дороги,
Проходим ночью не дает пройти.
Но пробил славный час святого искупленья,
И как бы ни старался укрыться и уйти,
Пират, убийца, вор или мошенник,
Отцеубийца иль бандит,
Он вышел из дворца иль из лачуги,
Находит руку он холодную, как меч,
Которая кладет на плечи плащ ворюге,
На шею обруч одевает наконец.
Встает заря, для них она печальна.
Подъем! Бредут, неведомо куда,
И цепь зашевелилась неслучайно,
И манит: я, мол, здесь, иди сюда!
Они идут под палками в оковах,
В лохмотья превратились их штаны,
Таща постыдный пурпур свой греховный,
Унижены, сердиты и страшны.
Босые ноги, шапки над глазами,
С утра уже усталый, мертвый взгляд,
Они работают, ворочают камнями,
Без перерыва, и сегодня, и всегда.
Дождь или солнце, лето иль зима,
Сияет лето или хлюпает январь,
Все решено, судьба их свершена,
На нарах вспоминать, что было встарь.
Когда надсмотрщик по головам считает,
Они по двое заберутся на понтон,
Согнувшись, от позора замирает
Душа, под этим гнетом жалок он.
Мысль неумная скользит еще порою,
Живые мертвецы и вечные рабы,
Они ползут, кнут получая, как изгои,
Как оскорбление мужчины и судьбы.

III

О, город, покрытый позором и славой,
Где вновь осужденных обрили навек,
С тобою, Тулон, здесь прославился дядя,
Племянник твой здесь завершает свой век!
Иди же, проклятый племянник двурушный!
Твой дядя великий, на ком позор твой,
Он сам заряжал теми ядрами пушки,
А ты его еле волочишь ногой!

Брюссель, 28 октября 1852

III. Сюда идите! Здесь скопление прихожан

Сюда идите! Здесь скопление прихожан,
Благословенья ждут десятки горожан;
Вон нищий, старый, и урод, и сплетник.
Святоши местные, всем тумачков отвесив,
Ведут нас к небесам. Примеров бледный рой
Души Иисуса, здесь мошенников с лихвой!
Из древней Византии вы вспомните ли весть
Про Иоанна Златоуста, императрицы месть?
Они могли б и Ювенала воспевать в газете,
Им все равно, как журавлю с вальдшнепом.
Цитируют великих: Вольтер, Руссо, Дидро —
Перед судьей духовным. Понять нам не дано.
И Эскобара шлют посылками хлыщей
Церковным сторожам за несколько грошей.
И с иезуитской хитростью своим дешевым мылом
Они нас моют так, что кровь стучит по жилам,
В той прачечной костер, там пепел сплошь дымит.
Здесь оговор и сплетни выносят как вердикт,
И газетенка эта получит доступ в рай
Со своей бандой грязной, шалящей через край.
Они теперь великие, в то время их оплот,
Все десятину славит и бьется за приход.
То от Иеговы солнце шлют, то бесконечный дождь.
И ангел с огненным мечом им открывает все ж
Две створки и впускает их в небесные врата,
Святые, ярко-красные под знаменем Христа,
И утром в ранний час, когда встает рассвет,
Когда заря уже зажгла волшебный свет,
Она краснеет от стыда, от дел, грехов людских,
Взирая на людей, что можно ждать от них,
Глаза ее наполнены слезами поутру,
Они ж карабкаются вверх, к апостолу Петру.
Привратнику несут газет бесстыдных срам,
Там оценив Всевышнего, ну, словно, интендант!
И распекая, и браня его за ветры и прибой,
И предъявляя счет ему за революций бой,
И за звезду небесную, что надо б повернуть,
За то, что он земле назначил данный путь,
За колокол с причастием, за божью благодать,
В письме отвратном этом уже стоит печать.
В поломанной карете кого теперь винить?
Не знал маркиз, что кучер прикажет починить,
Не ведая, куда же направить род людской
Наш бедный Бог уверен, что узел грозовой,
Который так сверкает и ищет в небесах,
Не знает, как ударить, где недовольных тьма.

А уничтожив Рим, они смогли б и Спарту.
И очарованы одним лишь Бонапартом.

Брюссель, ноябрь 1852

IV. На смерть 4 декабря

Так наслаждайтесь отдыхом, который дал владыка,
Мятежные сердца, семи ветрам открыты,
Ведомые несбыточной мечтой!
Вас заблужденья мучили, иль ненависть и зависть,
Уста, казались пьяными от жизни и бросали
В толпу призыв хмельной.

И друг за другом появлялись смутно лица,
На улицах в толпе шагала вереница,
Не замедляя шаг,
Подвижны, как вода, шумящая в фонтанах,
Стремилась наугад, в терзаниях погрязнув,
Прерывисто дыша.

В пылающих умах огонь горел все злей,
Мечта низвергнуть варвара с Шанз-Элизе,
И человека Ватикана.
Ваш вольный дух плесните за фарватер,
В мятежном веке ваши души – кратер,
А весь народ – подобие вулкана.

Душой любили вы, повязанной цепями,
А вечером тревожным пронизаны печалью,
Которая полна обид,
Вам океан сродни. Передвигая волны,
Десятком тысяч бурь он до краев заполнен
И отблесками звезд ночных горит.

И те, кем были вы, умы живые,
В глазах светились годы молодые
Иль старость доняла,
Готовила ль судьба печаль или веселье,
В сердцах была всегда любовь иль потрясенье,
Страданья иль борьба.

Декабрь, четвертое, по милости той драмы,
Теперь лежите Вы на дне глубокой ямы,
Под сенью вековой.
О, мертвые! Спокойствие на Ваших лицах.
Останьтесь же в гробу! Умолкните в гробницах.
В империи господствует покой.

Джерси. 10 ноября 1852.

V. Эта ночь

В Елисейском дворце замерцала свеча,
Трое возле него, тихо ждут, не спеша,
Наблюдая, как движется времени нить,
Он мечтал о своем, думал соединить
Бонапарта известность и уловки Картуша,
Зная: все ж западня стережет его душу.
И мешая уголья в очаге полутленном,
Говорил им тогда вероломный изменник:
«Вам напрасными кажутся наши мечты,
Но Сент-Барт, он возможен. И это не сны.
Ведь Париж усыплен, как тогда, с Валуа,
В Сену сбросьте законы, и все тут дела! —
Там, где мост воцарился над гладью воды».
Эти жалкие люди, исчадия судьбы,
Средь интриг рождены и коварного рока,
И при мысли о вас, порожденья порока,
Так, беснуясь в груди, мое сердце стучит,
Словно лес на ветру, когда буря в ночи.
Дом Банкаля оставлен уже затемно,
Здесь Морни и Мопя, Сент-Арно заодно.
Увидав эту группу шагающих в ряд,
Все монахи Парижа трубили набат,
В час ночной звонарям почему-то не спится,
Тротуары Июля кричали убийце!
А кровавые призраки прежних веков
Пальцем в них указали, как на врагов,
Архангелы на небе, повторив рефрен,
На небесах пропели: «Aux armes, citoyens!»
Уж спал Париж, и вскоре, на улицах вразброд,
Солдаты и пехота, податливый народ,
Отряды грозных янычар с Рейбелем и Собулем,
Оплачены вперед, пьяны, как и в Стамбуле,
Их от Дюлака, Корга и Эпинаса – море!
С мешками за спиной и злобою во взоре,
Пришли в Париж полк за полком размерно,
Вдоль улиц и домов шагали строем мерно,
Неслышно, словно тигр, по улицам ступая,
Ползли на животе, лишь когти выпуская,
А ночь мрачна, Париж заснул, и очень крепко,
Как царственный орел, попавший в злую сетку.
Команду ждали до утра, куря свои сигары,
Казачи и наемники, истопники, болгары.
Великие разбойники! Тюрьма им – дом родной!
И мировые судьи из службы городской.
Живьем спаливши Вуазен, четверговав Дерю,
Оповещали этот срам на каждом на углу!

Вот подлое оружие нестроевых бойцов.
Алел рассвет. А ночь, сообщник подлецов,
Сбежала, торопливо поднявши паруса,
Среди оборок юбки с собою унеся,
И звезд, и солнца блики, сиявших в темноте,
Как золотых цехинов уносят груды те,
Кто сотни раз продавши себя ради утех,
Переделся в бархат, чтоб быть красивей всех.

Брюссель. 17 января 1853

VI. Te Deum 1-го января 1852

Священник, твоя месса – расстрельный взвод.
Да это срам гнетущий!
А позади тебя, свой сторожа черед,
Хохочет смерть, согнувшись.

Священник, видишь, небеса уже трясет,
И ангелам уж нас не уберечь,
Когда епископ пушечный фитиль берет,
Чтобы свечу зажечь.

Ты хочешь быть в Сенате просвещенном,
Упомянув всех святых,
Пускай! Но, чтобы осенить крестом священным,
Отмыть бы прежде кровь на мостовых.

Погибель Теллю! И да славься, Гесслер! —
Старательно орган хрипит.
Епископ! Не стоял алтарь здесь, если б
Не привезли из морга плит.

Когда поешь «Те Деум! Бога славим!»
О, Саваоф, ты – Бог войны!» —
Разит оттуда тленом, духом старым
Могил, где даже не зарыты рвы.

Здесь убивали днем и ночью, загубив
Мужчин, детей и дам.
Ты больше не орел, теперь ты – гриф,
Стремящийся к собору Нотр-Дам.

Иди ж и расточай бандиту похвалу.
О, мученики! Слышали его?
Твои молитвы Бог воспримет, как хулу,
И проклинает их, как шутовство!

На ветхом судне все изгнанники ушли,
В Алжир или в Кайенну,
Они – свидетели, как Бонапарт входил в Париж,
Теперь увидят в Африке гиену.

Рабочие, крестьяне, забывшие про труд,
Им суждено постыдное изгнание!
Ну, оглянись, служитель алтаря Сибур,
И посмотри на Господа поправье:

Твой дьякон, он – предатель, а иподьякон – вор,

Продали Бога, продадут и душу.
Надень-ка митру, свой божественный убор,
И пой, бесчестный проповедник. Ну же!

А дароносица, она не от вина красна,
Убийства всюду, где идет служенье,
Кувшинчик этот держит... сатана,
Крича: убей тех, кто еще в движеньи!

Брюссель, 7 ноября 1852

VII. Ad Majorem Dei Gloriam (К вящей славе Божией)

«Действительно, наш век удивительно пронизателен. Неужто, он и в самом деле считает, что зола от костров окончательно потухла? И не осталось ни одного уголька, чтобы зажечь хотя бы один факел? Безумцы! Называя нас иезуитами, они думают покрыть нас позором! Но эти иезуиты им сохраняют цензуру, ограничение свободы слова и огонь... И в один прекрасный день, они будут хозяевами своих хозяев...»

(Отец Рутана, председательствующий на конференции иезуитов)

Они сказали: «Мы здесь править будем,
Военной тактикой и верою прибудем,
Прогресс разрушим, добродетели народа,
Построим крепость из развалин блоков,
Чтоб охраняла нас, породистых бульдогов,
Мы суеверью мрачному дадим свободу.

«Война ведь неизбежна, а эшафот – добро!
Невежество примите и нищету с теплом!
Ад ждет заносчивую гордость,
А к ангелу тропа через тоннель лежит,
Чтобы добиться цели, правительство хитрит,
И рот заткнет отцу, и отупит потомство.

«Враждебно наше слово в сегодняшней среде,
Раздастся и утонет в бесформенной толпе,
Остудит беспокойные сердца,
Загубит, заморозит живительный побег,
Потом растает, словно легкий снег,
Кто жаждет, не отыщет никогда.

И только холод ночи сердца те достает;
И лишь одни мы сможем усмирить народ,
Поманит если кто с небес,
Чтоб берегли свободу, где полегли отцы,
Осклабятся обители злонравные творцы
О мечте, коей грезил отец.

«А на знамени мы начертали бы рядом:
– «Религия, собственность, вера, порядок». —
Но если безбожник, еврей иль предатель
Возьмется помочь нам, на свой риск и страх,
Кровавый, жестокий, с оружием в руках,
Тот вор и разбойник нам будет приятен.

«Победитель, крепи неприступное место,
Мы в чести и почете заживем повсеместно.
Магомет иль Христос, или Митра важней?

Наша цель – править миром, она – выше всех.
Здесь никто никогда не услышит наш смех,
Лишь струны сердец задрожат все сильней.

«Мы души упрячем в глухом подземелье,
С мечтаньями наций справляясь умело,
Будь пахари Нила, испанский монах.
Законы долой! Прочь умы! Здравствуй, ночь!
Что ж мысль? Это сука, сбежавшая прочь.
На псарню Вольтера! Закован Жан-Жак!

«А если воскреснет сознание, задушим.
Шептать будем дамам тихонько на ушко,
Понтоны у Африки и у Спилберга.
Кострища мертвы, но они оживут,
Ну, если не люди, так книги сожгут;
И если не Гуса, сожжем Гуттенберга.

«Об оных, кто силится Рим осудить,
Тот факел, что Бог дал сознание будить,
Сократу светил и Христа провожал,
Как воры мы, черные, тайно во мгле,
Сначала войдем и потушим тот свет,
Загасим огонь мы молчком, не спеша.

«Темна уже сердца покорного масть,
В их душах пустых разлилась наша власть.
И что хотим, мы делаем бесшумно.
Ни шороха, ни возгласа, ни хлопанья крыла,
Не свергнет тишину, и наша полумгла
Чернее ночи явится безлунной.

«Теперь мы всемогущи. Чернь покорна,
Мы будем управлять страной спокойно,
Всесильем, счастьем, славой полны,
Бояться нечего без веры и без правил...
«И даже если встретимся с орлами,
Спасу Вас», – нам Господь промолвил.

Джерси. 8 ноября 1852.

VIII. Мученику

Прочитано в церковных летописях: «Письмо из Гонконга (Китай),
24 июля 1832

Мы объявляем, что г-н Боннар, миссионер Тонг-Кинг, был обезглавлен
за веру, 1 Мая с. г. «Это новый мученик родился в епархии Лиона
и принадлежал к Обществу иностранных миссий. Он уехал в Тонг-Кинг
в 1849 году.»

I

Отец! Великая душа! Как это пережить!
Он, между нами, молод и мог еще бы жить
Премного дней и лет;
В его года душа была чиста;
Он свято чтит учение Христа,
Как в сумраке рассвет.

Он говорил: «Христос есть Бог любви,
Кто его знает, видит рождение зари,
Он вольнодуму улыбнется.
За нас он умер, я бы умер за него;
Меня зовет он только одного,
В гробу и камень мне найдется,

Учение его открыло свод земной,
Он, как отец, рукой качает род людской;
Мы с ним живем и существуем;
Пока тюремщик спит в ночи,
Он, взяв у дремлющих ключи,
Спасает страждущих из тюрем.

«Сейчас он далеко; другой народ,
Не зная про него, во лжи живет,
Цепями скован, бедствует безмерно;
И тщетно силится увидеть Бога;
Напрасно всё! То мертвецов дорога,
Что щупают могилы стены.

Без цели и закона блуждают там и здесь,
В невежестве и злобе, им даже не иметь
И доли от победы славной.
Чтоб их спасти, я шел от мест святых,
Привел я Бога, вижу вас, родных,
Я голову даю вам на закланье!»

Священник вспомнил, в суетные дни,
Апостолам сказал: – Ну, что? Хвались
Кострами, тюрьмами, обманом! —

И глас Христа в последний миг:
– Живите, здравствуйте в любви,
И вы излечите мне раны. —

Мечтал народы просветить,
На путь святой благословить,
Душа неслась под парусами;
Он шел под ветром по волнам,
К кровавым плахам и столбам,
И светом звезд глаза сияли.

II

Тех, к кому шел этот апостол, вскоре его зарезали.

III

Хотя о, нет! Увы! У варваров и дикарей,
Где из твоих костей построен эшафот,
Палач, расставив ряд решеток и мечей,
Веревкой пальцы трет, там, где застыла кровь;

О, небеса! Когда собаки лижут кровь,
И мухи радостно роятся возле вас,
Летят как в улей, в приоткрытый рот,
Жужжат, сидят в отверстиях глаз;

Когда растрепана, без голоса, без век,
Глава твоя на кол посажена жестоко,
Доступная для низостей, ударов и плетей,
Здесь, за спиной твоею изменяют Богу.

И Господа всевышнего здесь у тебя крадут!
Мандрену отдают то, для чего ты умер!
И эпитрахиль одев, они в надежде ждут,
Чтоб кардиналом стать и властелином судеб,

Лишь для того, чтоб были кареты и дворцы,
И летние сады под небом голубым,
Серебряная митра, злаченные кресты,
И пить вино пред очагом твоим,

Пирату, чья рука к оружию привыкла,
Бандитам, кои в золоте купаючись живут,
О. Боже! Поверни главу, которая поникла!
Иисуса продают! Иисуса продают!

Передают бандиту нечистыми руками
Святую библию, законы и престол,
И правосудие со строгими очами,
И человеческих сердец сиянья ореол!

По тюрьмам доброта иль мертвая в реке,
И проповедник изгнан разбойником Картушем,
Невинные зарезаны, у вдов душа в тоске,
Продали все: страдания сирот и душу.

Все сразу! Клятву, и то, что Бог хранит,
И храм, где говоришь «Introibo», умирая,
И скромность, чистоту! – Страдалец, посмотри,
Глаза твои могилу сияньем освещают!

Они продали печь, облатка там пеклась,
И продают Христа. И даже его тело!
Они продали пот, что капает со лба,
И гвозди с бледных рук и ног окоченелых!

Бандиту продают, который дорог им,
Страдальца на распятии, на человеческих спинах;
Страдания, семь слов Спасителя святых,
В придачу к ним мучения невинных!

Так, чтоб удар хлыста в ответ он получил!
Чтобы сказать аминь и Слава тебе боже!
Чтоб мертвую главу камнями разбить!
Чтоб запекалась кровь, стекавшая по коже!

Его колени продают и пальмовые ветви,
И рану на боку, навек застывший взгляд,
И приоткрытый рот, дыханье близкой смерти,
И крик: Господь! Зачем покинул ты меня?

Гробницу продают и полумрак продали!
И серафимов, певших в далеких небесах,
И мать, что возле дерева с поникшими руками,
Стояла возле сына, не поднимая глаз!

Да, то епископы, священники – торговцы
От скомороха мерзкого, с короною на нём,
До сытого Нерона, который вновь смеется,
Ногою – на Тразеасе и на Фрине локтем.

Злодей, ударом жезла, прикончивший закон,
Разбойник-император с бесчестною душой,
Что дважды пьян и низок, но более жесток,
То ли свинья в клоаке, то ли в могиле волк,

Да, продают, о, мученик, задумчивого Бога,
Который улыбается нам в роковой ночи,
Стоящий на земле иль под небесным сводом,
Иль на Голгофе черной, что век кровотоцит!

Джерси. 5—8 декабря 1852.

IX. Искусство и народ

I

Искусство это счастье, слава,
В житейских бурях заблестало,
Сверкая в небе светлом.
Искусство – это вечный праздник,
Звезда, что никогда не гаснет,
Как искра божья интеллекта.

Искусство – будто чудеса,
Которого так ждут сердца,
Где лес для города шумит,
А муж с женой воркует,
Где голоса сердец вживую
Поют все сразу, от души!

Искусство – это ум людской,
Посмеет кто прервать покой?
Оно, как покоритель нежный!
Тибр, Рейн ему пропели оды!
И дав рабам навек свободу,
Народ великим стал, как прежде!

II

И Франция непобедима,
Пой свою песню кротко, мирно,
Глядя на неба свод!
Твой голос радостен, глубок,
Надежды мира он предрек,
Великий, братский наш народ!

Народы! Пойте на рассвете,
И вновь, когда наступит вечер,
Весельем полнится работа.
Засмейся, добрый старый век!
Воспой свою любовь навек
И полным голосом – свободу!

Италии народы, пойте,
Пой, похороненная Польша,
Неаполь, где всё кровоточит,
И Венгрия, терпя невзгоды,
Тираны! Так поют народы,
Как будто грозный лев рычит!

Париж. 7 ноября 1851.

Х. Песня

Угодники! Приглашены за стол хозяев важных,
Смеющаяся пасть и с неумной жаждой,
Тирана чествуя, мол, добрый он и славный,
И пьете, изменив всему, что люди чтут,
Вина налив в бокалы, позора отхлебнув...
Что ж, веселитесь! Я люблю,
Твой хлеб засохший, правда!

Чиновник – живоглот и подлый ростовщик,
Пузан, который у Шеве свой выставляет шик,
С Мопы и Фюльдом ты – сама любезность!
Оставьте бедняка в печали на краю,
Жируйте и имейте власть свою... —
Что ж, веселитесь! Я люблю
Твой хлеб засохший, честность!

Злодейство как лишай, бесчестие – проказа,
Солдаты не спешат с Монмартра по приказу,
И кровь с вином струятся, как отравы,
Ну, пойте же! Военный рой гудел,
Пил, чокался, гулял, катался по земле...
Что ж, веселитесь! Я б хотел,
На бис твой хлеб, о, слава!

Народ предместий, ты бывал великим.
Сегодня – словно крепостной безликий,
Где много денег, нет достоинства народа,
Иди смеяться, пить с накинутой петлей,
Да славься император! – припев заводись свой...
Что ж, веселитесь! Мне милей
Твой черный хлеб, свобода!

Джерси. 19 декабря 1852.

XI. О! Знаю я...

I

О! Знаю я: они десятки раз соврут
Чтобы уйти от правды горьких уз,
И отрицают всё, мол, он, не я!
Но разве ж я солгу, и Данте, и Эсхил? —
Сказав, что из злодеев никто не уходил
От поэтического смертного огня.
Для них закрыл я книгу искупленья,
Историю на ключ замкнул без сожаленья;
Сегодня – это каторга, поверь!
И страждущий поэт не грезит до зари;
Теперь он держит ключ Консьержери.
В судах их цепи ждут за дверью.
Они в карманы к королю залезли, словно
Не вензель императора на их погонах,
Макбет – прохвост, а Цезарь – плут прожженный.
Вы стережете каторжан, мои стихи!
А Каллиопы звездные мои
Ведут здесь книгу заключенных.

II

О, печальный народ, надо Вам отомстить!
И трибун огласил: поэт призван парить,
Невзирая на Фульда, Маньяна, Морни;
Он с восторгом встречает лазурные ночи... —
Но ведь ты же сообщником сделаться хочешь
Черных дел, а меня возмущают они,
Когда скроешь бандитов вуалью своей,
Небеса или солнце, свет полночных огней,
Не смогу их увидеть, увы!

И пока негодяй заставляет молчать,
А свобода повержена наземь опять,
Как поспешно задушенный ангел,
До тех пор, пока в трюмах стенанья слышны,
Я сияю могильным сиянием луны
Для презренных, согбенных пред знатью;
Я кричу: Поднимись! Небо стонет, ревет!
Просыпайся, великий французский народ!
Ты увидишь мой пламенный факел!

III

И жулики, что делают из Франции Китай,
Получат по загривкам свист моего хлыста,
Они поют «Te Deum», я кричу им: Помни!
Я отхлестаю тех людей, их имена, дела,

И тех, кто носит митру, и намеренья зла,
Я их держу в моей поэме, как в загоне;
Падут тотчас стихарь и требник сами,
Вот, уж и Цезарь под моими стременами
Спасается, меняя свой наряд!
Луга зеленые, цветы, поля пшеницы,
И облака, похожие на крылья голубицы,
И озеро, где водоросли дрожат,
Великий океан, зеленой гидры чешуя,
Леса, шумящие вокруг прозрачного ручья,
Маяк вдали, звезда в предгорьях темных,
Узнают про меня, промолвив очень тихо:
Да, это дух возмездия пришел великий,
Тот дух, что скоро демонов прогонит!

Джерси. 13 ноября 1852.

ХII. Карта Европы

Оружие повсюду в провинциях хранится.
И лжет престол. И тот, кого здесь называют принцем,
Судить спокойной совестью, не опуская глаз!
О, змеи лживые, вы душу мне порвали,
Ужасные и мерзкие, так крепко повязали,
Что гром и молнии застыли в небесах.

Секут солдаты женщин на улицах немых.
Свобода, добродетель скажите, где же вы?
В изгнании! И в страхе, по трюмам кораблей.
О, нации! Где ж ваши прекрасные сердца?
Ядра повстанцам мало от пушек подлеца,
Гайнау заряжает их головками детей.

О, русские! Дрожа, в потемках вы брели,
По Петербургу крепостным, рабом родной земли.
Цель вашего хозяина – огромная тюрьма;
Россия и Сибирь – О, царь! тиран! вампир!
Две половины эти твой составляют мир:
Уныние и сокрушенья тьма.

В Анконе от смерти кварталы трясет,
Добрый папа Мастай свою паству сдает,
«Огонь!» – бойцы услышат вновь и вновь,
И Симончелли гибнет, за ним и все другие,
Последуют, не дрогнув, апостолы святые;
И, умерев, идут, туда, где есть Господь.

Святой отец, ты на руках одерни рукава!
И в обуви твоей кровь жертвы запеклась!
А отравитель – папа не зря к тебе приник,
Кто следом тут умрет? И сколько здесь смертей?
А знает это тот, кто вводит паству в тень,
О, господи! Не пастырь ты, мясник!

Италия! Германия! Венгрия! Сицилия!
Европа старая в слезах, упадке и бессилии,
Их лучшие сыны мертвы, и нет отваги там.
На юге – эшафоты, кругом – гора костей
Луна вся в саване, и с каждым днем бледней,
Садится солнце в кровь по вечерам.

Суд инквизиции над Францией поникшей,
Бандит, прирезав их, воскликнул: «Все отлично!»
Париж униженный смывает кровь с икон,
Задущенная Франция – погибель и бессилье!

Слезами, криком, воплями разбужены в могиле,
Так хорошо! – кивнули Торкмада и Лобардмон.

Баттьяни, Шандор и Поэрио, вы – жертвы!
За право вы боролись впустую, это верно?
Взмахнув шарфом, Боден упал, как птица,
Скорбите на горах, и плачьте, кто в лесах!
Где божий был Эдем, у королей – тюрьма,
Венеция – гребцы, Неаполь – вот гробница!

На эшафоте вздернуты Палермо и Арад,
Веревка для героев, что подле баррикад,
Свободный, гордый флаг подняли в небеса,
Но скоро коронован уж будет Шиндерхан,
Тогда, как дождь ручьем течет по черепам,
И ворон клювом ищет кровавые глаза.

И будущее рушится, как сыплется песок!
Цари сбежали, с моря уж катится поток,
Народы! Горн звучит, залиvisto и вольно,
Какое бегство! И войска, тотчас заметив,
Уходят в бурю и в сожженный пепел,
Все в ужасе. – Идем! – Господь промолвил.

Джерси, 5 ноября 1852.

ХIII. Песня

А женщина? она мертва.
Мужчина тоже? Да,
И его кости пожирает кот.
И в теплое, дрожащее гнездо
Вернется кто-нибудь? Никто.
Птенцы зря разевают рот!
Пастух-то без вести пропал!
Мертва собака! И шакал
Уж ждет, глаза горят.
А за овчарней смотрит кто?
В том то и дело, что никто.
Жаль маленьких ягнят!

Сам он в тюрьме, в приюте мать,
Страданий не пересчитать!
И дом качает ветром,
И колыбель из лоскутов.
Кто там остался? Да, никто!
Лишь дети в платье ветхом!

Джерси. 22 февраля 1853.

XIV. И ночью глубокой...

И ночью глубокой, угрюмой, холодной,
Тень крылья свои простирает свободно,
В дворцах, охраняемых пушками справно,
Под теплым, из соболя покрывалом,
В кроватях покрытых шелками, муслином,
На облаке мягкой, пушистой перины,
За складками бархатных штор без зазрения,
И в удовольствиях до исступленья,
Под нежные звуки мечтательной арфы,
Где факел с дрожащим пламенем жарким
Не смеет светить на резной потолок,
Вы – граф Мопя, герцог де Сент-Арно,
Сенатор, префект, генерал, заседатель,
Ты, Цезарь, провинции почитатель,
Что грезил империей и создал ее,
Поспите пока!... – Каторжане, вперед!

Джерси, 28 октября 1852

XV. Очные ставки

О, трупы, говорите! Убийцы Ваши кто?
И кто вонзил стилеты в вашу грудь легко?
Сначала ты, ответь, что в темноте застыл.
Ты кто? – Религия. – Меня отец святой убил.
А вы? Мы – честность, добродетель, здравый смысл,
А кто же вас зарезал? – Да, церковь. – Кем ты был?
Я нравственность народа. – А кто избил тебя?
Присяга. – А кто в крови спит на исходе дня?
Я справедливостью была. – Ты помнишь палача?
Судья. – А ты, гигант в доспехах без меча?
Какая грязь прилипла к сиянию смельчака?
Я – Аустерлиц. – А кто убил тебя? – Войска.

Брюссель, 30 января 1853.

Книга II. Порядок восстановлен

I. Идиллии

Сенат

Играйте, скрипки и свирель!
На радость всех богинь,
И лейся звонко птичья трель.
Маньян пусть спляшет нам кадрили,
Сент-Арно – пасторель!

Подвалы Лилля

Господи, помилуй!
Господи, помилуй!
Господи, помилуй!

Государственный совет

Огня, огня сюда добавьте!
И фейерверк в сады!
Ворота шире открывайте!
И пойте-ка на все лады!
И дам на танец приглашайте!

Чердаки Руана

Господи, помилуй!
Господи, помилуй!
Господи, помилуй!

Законодательная Ассамблея

Любовь нас призывает в путь,
И чтоб стать лучшим всяк готов,
Собрать свой мед, здесь почерпнув,
Как пчелки посреди цветов,
Невинность с женских губ!

Брюссель, Лондон, Бель-Иль, Джерси

Господи, помилуй!
Господи, помилуй!
Господи, помилуй!

Отель-де-Вилль

Империя веселием согрета,
Обедает с вином и при параде.
Фейерверк на Елисейских где-то!
И если пушки требовались дяде,
Племяннику уже нужны ракеты.

Понтоны

Господи, помилуй!
Господи, помилуй!
Господи, помилуй!

Армия

Сомнений нет! И нету скорби!
Церковный сторож во дворе,
Оркестр похоронный.
И если пылкость в кабаре,
То слава наша – в морге.

Ламбесса

Господи, помилуй!
Господи, помилуй!
Господи, помилуй!

Судебное ведомство

Пируйте, убеждают пылко!
И друг, собрав свою лозу,
В беседке с радостной ухмылкой,
Имел хмельную гроздь в саду
И в погребе бутылку!

Кайенна

Господи, помилуй!
Господи, помилуй!
Господи, помилуй!

Епископы

Его Юпитер вел всегда,
Он чтит успех и звездный ход,
Нальем! Священник дотемна
Очистит душу от забот
Стакан свой – от вина!

Кладбище Монмартр

Господи, помилуй!
Господи, помилуй!
Господи, помилуй!

Джерси. 7 апреля 1853.

II. К народу

Рыдания, крики, скорбный стон.
Зачем заснул во мраке он?
Нельзя, чтобы он умер.
К чему тревожный этот сон?
Совсем он обезумел!
Свобода кровью истекла.
Коль умер ты, она мертва.
Шакалы стерегут твою судьбу,
И крысы, ласки – скверный сброд!
Кто разрешил тебе ложиться в гроб?
Они сожрут тебя в твоём гробу!
И рой народов всех предстал
Как погребальный строй ... —
О, Лазарь! Лазарь! Встань!
Пойдем со мной!

Кровавый Париж при свете луны,
Он грезит на братской могиле – увы! —
Трестайону хвала и почет!
Фанфары звучат. Веселей похвалы!
А революции – кляп в рот.
Она нестерпима для праведных душ,
Повергнута наземь, и некто Картуш
Смог больше титанов надутых,
А Эскобар смеется, да захлеб.
И тянет на тебе, великий мой народ,
Все сабли этих Лилипутов.
Судья в халате, как барышник встарь,
Он продает закон ... —
О, Лазарь! Лазарь! Встань!
Пойдем со мной!

В наказанной Вене, в Милане,
В задушенном Риме поныне,
В замученном Пеште тернистом,
Волчица царит – Тирания,
Матерая. Бурая с золотистым.
В том логове по стенам – амулеты,
Она шагает важно по скелетам,
От Танаро до Вислы.
И подрастает там волчат помет,
Но кто ж еду сияющей волчице подает?
Это епископ и палач,
Что кормит дикаря, как лань,
Восславленный король ... —
О, Лазарь! Лазарь! Встань!

Пойдем со мной!

Сказал апостолам Иисус:
Любить друг друга – славный путь! —
И вот две тысячи лет почти
Он нас зовет, не пряча грусть,
Показывая руки во крови.
От имени пророка Рим царит.
Из трех святых кругов отлита
Тиара Ватикана;
Круг первый – собственно корона,
Петля от виселиц Вероны,
И кандалы тирана.
Мастай надел тиару – глянь!
Без страха... О, бог мой!
Ну ж, ты, Лазарь! Встань!
Пойдем со мной!

И тюрьмы воздвигли навеки.
Ты слышишь? Беснуются реки,
Окрашены кровью людской;
Плач вдов о родном человеке,
О, спящий, прерви свой покой!
На море корабль, ожидая, стоит,
И матери скорбные плачут навзрыд;
В руках врагов их сыновья;
Скорбят на дорогах в трагический час;
И слезы, по каплям стекая из глаз,
Рождают досаду в сердцах.
А иудеев род скупой
Ликует в час ночной ... —
О, Лазарь! Лазарь! Встань!
Пойдем со мной!
Но кажется, проснулся он!
А может, это просто сон,
Жужжание сумрачного роя?
И в улье пчелы, в унисон
Набату пенного приборя?
А Цезари? Позор забыв,
Лишь дремлют под симфонии
От Балтики и до Альпийских скал;
Народы в сумрак завлекли.
Горн слышен: Спите, короли!
Осанну деспотам поет орган!
Хваленьям этим есть ли грань?
Лишь колокольни бой ... —
О, Лазарь! Лазарь! Встань!
Пойдем со мной!

Джерси. 9 ноября 1852.

III. Воспоминание о ночи 4-го

У этого ребенка две пули в голове,
Дом был достойным, скромным, с цветами в дворе;
И у портрета верба святая в уголке,
И бабушка в слезах на выцветшем лице.
Раздели мы его; недвижимый, бледный рот,
В глазах его холодных немая смерть живет;
Казалось, его руки так жаждали тепла...
В кармане затерялась ненужная юла.
Просунуть палец можно в дыру на голове,
На ежевике кровь застыла во дворе.
А череп мальчугана был, как древесный сруб,
И бабушка смотрела на этот детский труп,
Все повторяя: Боже! Как бледен, просто страх...
И бедные волосики прилипли на висках!
Потом мальчишку нежно руками обняла,
Заплакавши. А ночь темнее мглы была.
И раздавались выстрелы на улицах глухих.
– Похоронить бы надо, – сказал кто-то из них,
И покрывало белое достал в чужом шкафу,
А бабушка тогда нагнулась к очагу.
Как же согреть того, кто сном холодным спит?
Увы! Того, кто умер, уже не воскресить!
И не согреют больше земные очаги!
И подойдя к ребенку, взялась за кисть руки,
В измученных руках остался только прах!
В ее глазах то гнев, то беспробудный страх,
– Ведь не было восьми! Каким смышленным был!
И в школе каждый педагог дитя мое любил.
Ах, господин, внучок мне помогал писать!
Теперь что, и детей уж будут убивать?
О, боже мой! Ну, кто поможет мне теперь?
Разбойники проклятые! Повсюду сеют смерть!
Ведь только утром этим играл перед окном,
Они убили малыша, и всё им нипочём!
Он улицу переходил, они стреляли тут.
Месье, он был так добр и нежен, как Иисус.
Я старая, и, может быть, уйду я насовсем,
И Бонапарту этому так нужно всё зачем?
Уж лучше вместо внука убил бы он меня! —
Сказала и замолкла, судьбу свою кляня.
И плакали мы вместе над детской судьбой.
– Но, что же будет дальше? И как теперь одной?
Ну, объясните мне, как жить и для чего?
Ведь больше нету никого. Родным был только он.
Зачем же он убит? Ответьте напрямик.
Он не кричал повсюду: «Vive la république!» —

Стояли мы серьезные, склоняясь головой,
И траур разделяя с бессильною слезой.
«В политике непросто всё разумом понять!
Поверьте! Всё так сложно, Вам не под силу, мать!
Наполеон – князь бедный, но любит он дворцы,
Отличных лошадей, богатые ларцы,
И деньги для игры, свой стол и свой альков,
Охоту; в то же время, он сам спасти готов
Религию и общество; но вот какой вопрос —
Мечтает о Сен-Клу в венке из летних роз,
Куда придут почтить его высокие мужа,
Вот почему так нужно, чтоб бедная семья
И бабушка руками, дрожащими как тень,
Укладывала в саван родных своих детей.

Джерси. 2 декабря 1852.

IV. О солнца божественный лик

О солнца божественный лик,
И дикий кустарник вдали,
И грот, где слышны голоса,
Трава с ароматом земли,
Густой ежевики леса,
Священной горы белый склон,
Похожий на храма фронто́н,
Немые утесы и дуб вековой,
Я чувствую, как призадумался он,
Печаль разделяет со мной.
О, лес и волшебный родник,
Лазурная гладь первозданной воды,
И озеро, полное лучиков света,
О, совесть природы и красоты,
Что помните вы о преступнике этом?

Джерси. 22 ноября 1852.

У. Покуда справедливость в бездне

Покуда справедливость в бездне,
И скипетр в руках бесчестных,
Покуда попраны права,
И гордость нации в упадке,
А межевых столбов в недостатке,
Позором обесчещена страна;
Республика почтенных предков!
Великий Пантеон, залитый светом,
Бессмертный храм немых теней,
Они под куполом собрались здесь,
Чтобы у стен, где вечный крест,
Всевластье слышалось сильнее.
Моя душа по-прежнему разбита
Пока лакействуют, пока забыты
Величие и правда, закон и чистота,
Истории неотвратимый взор,
Фемиды горестный укор,
И те, кто упокоился в тени креста.
Изгнание и боль терплю покорно,
Унынье, стань моей короной!
Люблю теперь лишенья и нужду!
Дверь, поколоченную ветром,
И горя силуэт бесцветный,
Пришедший поутру.
Несчастье, испытания терпя,
Люблю ту сень, где я нашел тебя,
И вас, о чем душа поёт,
Достоинство и вера в добродетель,
Свобода, моего изгнания свидетель,
И преданности прерванный полет!
Джерси. Мне дорог этот берег,
Английский флаг полощет ветер,
Свободы защитив покой.
И черная вода с приливом странным,
Корабль – немых просторов странник,
И волн таинственный прибой.
Люблю я чаек в море сонном,
Несущем бисерные волны,
Что с бело-пепельным крылом,
То утонув в гигантских водах,
То снова устремляясь к звездам,
Как душу покидает боль.
Люблю торжественный утес,
Где вечны стон и горечь слез,
И совесть, обожженная плетьюми,
Как волны у отвесных скал,

Бьет прямо в сердце наповал
Скорбящих над погибшими детьми.

Джерси. 10 декабря 1852.

VI. Другой правитель

I

Так значит, все старье ушло, и вот ваш консулат!
В погожие деньки, когда ничто не досаждало,
Ни лай бульдога и ни гневной гидры взгляд;
Как вражеский агент! Как буря, кидая кедры в ряд,
Чтоб вам на голову обрушить, и в эти дни
За неимением Терсита, они подлее не смогли
Найти Дюпена, на нем остановили взгляд.
Когда ты пашешь, сеешь, глаз темных не смыкая,
Они уж предали народ, неся ему измену,
Шута Бобеша президентом называя,
В противовес Мандрену.

II

Звучал, как калемба, его бесстрастный глас,
Блестящему оратору – насмешки и напасти
– Глупцы! Убогой, низменной душе дают подчас
Вершины безграничной власти;
В один прекрасный день, всему пришел конец,
Солдат с мечом в руках, оставив темный угол,
Вошёл в тот храм богов, где для людских сердец
Забрезжила заря, раскинув алый купол!
Сжигают там и тут пред алтарем закон,
Честь, долг зывали его к разуму, борясь,
– Сядь с молнией в руке на свой курульный трон! —
Увы! Он тихо погрузился в грязь.

III

Пусть будет там навечно!
И пусть всегда там спит!
Пусть гнусное виденье вовек исчезнет прочь.
Пусть растворится там!
И пусть в огне сгорит!
И черным станет, будто ночь!
И даже разыскав его, порой не различить
В уродливой клоаке, зияющей во тьме!
Все то, что тащится и то, что силится ползти,
Перемешается в своем небытие!
История о нем не вспомнит с этих пор,
И скажет, увидав его в грязи грехов:
– Да, кто это такой? Стране принес позор,
Отныне это имя затерлось среди веков! —

IV

О, если б эти грешники попали в ад,
Их дьявол не изгнал бы их в своей надменной желчи!

Поэты! Те, что палицей суд праведный вершат,
Отобразите этот темный век пожёстче.
Не правда ли? От пропасти, где правосудья крах,
Надежда убегает с пылающим лицом,
Скажите же, ты, из Патмоса затворник и монах,
Ответь ты, Данте, ты, Мильтон,
И ты, старик Эсхил, друг плачущей Электры,
Как сладостна должна быть месть кому-то,
Влепить пощечину плутам от духов щедро,
Андре Дюпену от убийцы Брута!

Брюссель. 24 декабря 1852.

VII. В пассивном повиновении

I

О, бойцы-второгодки! О, войны! О, стяги!
На короны тиранов вы подняли шпаги,
Против прусских, австрийских атак,
Против всех Содомов и всех Тиров,
И против русского вампира
С эскортом бешеных собак.

И против армий Европы могучей,
Что пехотою по полю стелятся тучей,
С отборной кавалерией вподмогу,
Снующей всюду, как дракон живой,
Солдаты с песней, по дороге той
Идут без страха и на босу ногу!

На западе, востоке и с севера на юг,
Со старыми винтовками, не разжимая рук,
Журчащие ручьи, холмы пересекая,
Без сна и отдыха, в обносках, без еды,
Идут они счастливые, трубя на все лады,
Отважно, словно демоны, сражаясь!

Свобода гордая на их усталых лицах,
Уж флот взят штурмом, пройдены границы,
И их нога – на суверене,
О, Франция! И каждый день – успех,
Борьба, рывок, на Адидже – Жубер
Марсо стоит на Рейне!

Побили авангард, штабным отрезан путь;
И в дождь, и в снег, в воде по грудь,
Но шли всегда вперед!
Уж кто-то мира ждал, а кто сдавался просто,
Свергались троны, словно на подмостках
После премьеры цирка шапито!

Вы слыли героями в схватке с врагами,
С горящим челом и стальными глазами,
И черный вихрь гудел кругом,
Стоят солдаты, не склонив главу седую,
Как будто львы, встречающие бурю,
Когда задует аквилон.

Они, в горячности эпической борьбы,
Как пьяные, внимали победные шумы,

И лязг железом по железу,
Твой смех, Клебер, и пули свист шальной,
Дробь барабанов и снарядов вой,
Величественную Марсельезу.

Звала Революция: «Слуги свободы!
Умрите, чтоб вольными стали народы!»
Им верилось в это самим,
И старым бойцам, юным их командирам,
Прекрасным бродягам в прогнанных мундирах,
Пленившим восторженный мир!
Печали и страх были им неизвестны
И голь наступала, карабкалась честно,
Творили они чудеса,
Победы верша, словно бег олимпийский,
Республика, рядом стояла, так близко,
Перстом указав в небеса!

II

К могучим ветеранам возносит память нас,
Мы видим блеск мечей, сияние смелых глаз,
Деяний их богатство.
Но всё это прошло. И время стерло вас!
В истории страны так зыбко всё подчас.
Иных героев славит государство!

Да, слава тем, вчерашним, прошедшим сто дорог,
Без страха и упрёка, с мечами наголо,
Неся стук барабана звонкий.
К орудиям! Огонь палил со всех сторон,
Победа! Но на перекрестке Тикетонн
Они убили семилетнего ребенка!

А эти-то герои, что не страшатся дам,
Стреляют, не бледнея – хвала и честь бойцам! —
В испуганных прохожих.
Их видели в Париже, среди городских огней,
На кованых копытах их удалых коней
Мозг человеческий и волос.

На родину в атаку! – штурмует эскадрон,
Под пушечным ядром – низвергнутый закон,
Пехота, кавалерия снует,
Оплачены и сыты, во гневе так страшны!
Со знаменем – Мопя, и вопли их слышны,
Горнистом там – Вейо.

Ни оружия, ни пуль, вас никто не убьёт,
Нас легко победить, безоружен народ,

Ах, какое отличное время!
И закон спрятан вечно, на прочный засов,
Ваши пушки заряжены, сотни полков!
Ну, рискните! Ах, как это смело!

О, бойцы декабря! Сговор против страны!
Ваши руки в крови, ею обагрены,
Потрясен пораженный Париж!
Ваши предки сияли, как свет маяков,
Вызов смерти бросали, презревши её,
Даже смерть удивленно глядит.

Ваши предки сражались с громадой полков,
Пруссаков белокурых и русских штыков,
Каталонцев повергли они,
Вы ж убийцы торговцев – экая грязь! —
Старикам как-то раз Сарагосса сдалась,
Вы ж умеете брать «Тортони»!

Что ж ты скажешь, история? Предки в боях
Не боялись ни пушек, ни шквала огня,
Эти только пришли растоптать
Женщин и стариков, и детей – разом всех,
Им дано это право на пакостный грех.
Есть два разных пути побеждать!

III

Он призывает в час ночной кромешной тьмы,
Когда Париж спит крепко,
Французских генералов, с погоном в три звезды
В расшитых эполетах;

Он говорит: «Послушайте, я вам открою тайну,
Которую носил три дня,
Вы Бонапартом до сих пор меня считали,
Теперь мне имя – Западня.

Поверьте, завтра будет день иной,
День боли, горьких похорон и своры.
Вы тихо проскользнете под каменной стеной,
Как это делают ночные воры;

Из старого сервиза возьмите-ка пинцет,
Который там, в кладовке упакован,
И приподняв засов, без хлопотных сует
Им отоприте дверь закона.

Вперед, с полицией! – И сабли наголо,
Рука не дрогнет изрубить,

Ни африканских лидеров, ни честных – никого! —
Ни тех, кто прочно на ногах стоит,

Ни представителей, ни тех, кто выслал их,
Ни свергнутый Париж!
Я хорошо задумал? «Гул одобрений стих.
«Видок! Ты что? Молчишь?»»

IV

Казармам подношений тьма!
Солдаты, пейте! Да, с каких-то пор
Пить и кутить боялись дотемна?
Ну, веселись, солдатский двор!

Красны усы вошедших в раж,
Звон золота в тугих мешках;
Для командира есть Гамаш,
И сытно в здешних биваках.

После убийств со всех сторон
Пир и веселье до утра!
А шпага – о, Наполеон! —
Шампур Гаргантюа.

Для них победа – чья-то кровь,
Глаза тупых, пропитых псов.
За славу счесть большой позор!
Французов – за врагов!

Прирезав Францию за час,
Прижав в руке одной,
С вином бутылку про запас
И голову – в другой,

Кружит кадрили черный круг,
Вся голь пьяным-пьяна;
Тролон привел дешевых шлюх,
Сибур налил вина,

И пир гудит до самой тьмы,
Оркестров дружный строй ... —
Тебе под стать не те мечты,
О, мой солдат – герой!

Мечтал о ветре я для вас,
Снегах седых у темной ели,
О днях без хлеба, без огня,
Ущельи, где бои гремели.

Мечтали б мы о марш-бросках,
В дожди, снега, в мороз и голод,
В своих изношенных плащах,
Пока еще горяч и молод.

Мы верили б, о, воин—раб! —
В святое войсковое братство,
И лавры почести стократ,
И в память сердца, как в богатство!

Европа мечется в тисках,
В душе моей мечтой живёт
Тот день, когда Господь призвав,
Воскликнет: Прочь! Вставай, народ!

Наступит новый, светлый век,
Мыслитель, мрачный и святой,
Там, где зари рассвет встает,
Услышат грохот роковой.

В земле раздастся грозный гул,
Как бы расплавленная сталь,
А ветер принесет войну,
Взлохматив гордого коня!

Господь к святому нас ведет,
Он верный указал нам путь,
Бойцы, мечтатели, вперед!
Вы – авангард, вас не свернуть!

Хотим для вас, разбойный строй,
Триумфа над лихим врагом,
Вперед, за родину горой,
Чтоб лилась вражеская кровь!

Мы б оценили святость сил,
И ваш гвардейский, гордый ряд,
Там бы родился светлый мир
Бесценнее нынешних стократ!

В мечтах я вижу тот отряд,
Не прячась смертного огня,
Идет под громы канонад,
Иль на спине у скакуна,

Под дымом, пылью вихревой,
Пропаив под сводами войны,
Вдруг появиться, как герой,
В лучах сияющей страны,

Святой шеренгой проходя,
Чтоб вас могли благословить,
В лазурь небесную спеша,
Чтобы Франции служить!

V

Итак, французы видели позорный этот день!
После великих душ и Брюна, и Дезе,
Которых помним мы всегда,
После Тюрен, Сентрая и Лаира,
Полиция им знамя торжественно вручила,
Сказав, что она армией горда!

О, вы, знамена прошлого в истории великой,
Знамена всех героев и славы многоликой,
Угроза для отъявленных врагов,
Пробитые и рваные, без страха и упрека,
Их лоскуты окрашены пролитой кровью Оша,
Там слиплась и Байяра кровь.

О, старые знамена! Вставайте же из бездны!
Идите, окрыленные величием небесным,
Нетленное бессмертие навек!
Как грозный рой, встающий перед взором,
Вздymайтесь царственно над гибельным позором,
Спеши, великий негасимый свет!

Солдат избавьте от позорнейших знамен!
Вы, те, кто королей прогнал пинками вон,
Вы, те, с кем все надежды оживут,
Кто пересек скалистых гор и рек разлом,
Знамена, прогоните новоявленных орлов,
Тех, под которыми они безбожно пьют!

Пусть наши грустные солдаты станут выше,
Увидят знамя Франции в Париже,
Изгибы складок, падающих вниз,
Что реяло на Рейне, Маасе и Самбре,
Смогло заставить в мрачном декабре
Дрожать небезызвестный Аустерлиц!

VI

Увы! Уж все закончено. Грязь! Пустота! И ночь!
Над бездною, прогнавшей нашу славу прочь,
Сияйте же проклятые фамилии опять —
Мопа, Морни, Маньяна, Сент-Арно и Бонапарта!
Склоним главу! Гоморра одолела Спарту!
Пять их всего лишь, тех бандитов! Пять!
Все нации вокруг побеждены цинично:

Английский брег, страна свобод античных —
Нейстрийцам старым сдан,
Рим – Аларiku, Византия – Магомеду,
Трём шевалье – Сицилия, а Франция отпета
Пятёркой каторжан.
Пусть будет так! Наполнив по-житейски,
Молитвой – Нотр-Дам, балы – на Елисейских,
Заполните скелетами Монмартр!
Господствуйте, унизив нацию, как сброд,
Свяжите все: Париж, страну, народ
Посредством ваших банд!

VII

Когда на вашу грудь прикрепит он медаль,
Кресты и ленты за успешную баталию,
Ну, и за эту западню,
Солдат! Из знойной Африки с загаром возвратясь,
Ты что, не видел, что тебя толкнули грязь,
В постыдную и грязную резню?

Мой взор туманится, и я подчас скорблю,
Припомнив ту печальную зарю,
Которая, казалось, обещает
Вам честь и славу, но украдены они,
Поскольку ваши души в эти дни
Лишь грезят и рыдают.

Отвагой вашей всюду были сражены;
Сыны республики и хижины сыны,
Согретые бесстрашием своим,
Служить теперь бандиту, погрязшему в крови,
Предать республику и хижины свои,
Скажите, что Вам сделали они?!

О, легион обманутых, за кем же ты идешь?
Кому свое оружие так низко продаешь,
Убийце отдавая душу?
Подлец ничтожный, и вы верите кому?
Наполеоном Жалким он останется в миру,
Бандитом выдающимся – Картушем.

О, армия! Итак, твой меч ударил с тыла,
Присяга, долг и честь тебе постыла,
И попрано достоинство народа!
А революция, оставив след в веках,
Забыв о будущем прогрессе и мечтах,
Забыла и понятие «свобода»,

Чтоб смог тиран поработить твою страну,

Верхом усевшись на великих трупов тьму,
Тот карлик невысокого полета,
Затеявший бессмысленную оргию для нас,
Чья глотка издает в прискорбный час
Кровавую ужасную икоту!

VIII

Господь, что с армией проделано великой,
Как дверь, которая на все замки закрыта,
Она глуха к чести,
Солдаты тянутся без веры, без покоя,
И Франция в крови утоплена по пояс,
Дай факел свой, о, Господи!

Покуда совесть в трауре и крова лишена,
Пока священник в кресле и недремлющий судья,
Межа свои мусоля,
Успехом бранным тешатся, согласные в одном,
Проступок чтоб свершать, так лучше уж с умом,
Чем добродетель холить.

И души светлые всё гибнут незаконно,
Мертвы уже и те, кто шёл на бастионы,
Разжалованы подвиги отцов,
И злая низость и советы от неправых,
Их рты, похожие на сточную канаву,
На грязную помойку подлецов.

С приходом Цезаря святая честь умрет,
В Париже тихо, здесь безмолвствует народ,
Лишь слёзы втихомолку,
Сердца людей к победе не спешат,
Как трусы жалкие, предместья здесь дрожат,
Прикинувшись заснувшими надолго.

Бог, мой! Так одолжи мне свою силу,
Я корсиканцу укажу его могилу,
Я – тот, кто не знаком ему пока,
И полный страсти мрачной и стихов,
Приду к нему с тирадой гневных слов
И с палицей в руках,

Подобно дрессировщику невиданных зверей,
Размахивая саваном бесчисленных смертей,
В священном гневе яростен и зол,
Как черный мститель, бешено подковами звеня,
Ногою раздавлю его, как мерзкого червя,
И императора, и весь его престол!

Джерси. 7—13 января 1853 года.

Книга III. Семья возвращена на престол

I. Апофеоз

Что теми видами насыщен разум – к счастью!
Он был лишь только попугаем пестрой масти,
Нося высокий сан, чтобы иметь насест,
Бедняга князь, весь в черном, словно бес,
В пятнадцатом на жизнь не дали и гроша ему.
Он занял лишь пять ливров, не имея даже су.
Теперь вниманье на карьере, s'il vous plait!
Он от эю в пять франков, будто на крыле,
Взлетел к банкноте с подписью Гара. Однако!
Дополз и до миллиона, вот, чертяка!
Глотая миллион, шел к миллиарду, не спеша,
Навстречу слиткам золота от медного гроша.
Дворцы, кареты, роскошь, балов несметный ряд,
Пиры миллионеров так Францию съедят.
Мошенник превратился в правителя страны.
Проступок совершил он? То заговор. Увы!
Ужасное деянье, резня и смерть вокруг,
Ему ж Высокий суд клянется на миру,
И бездна вновь закрылась, издав тяжелый стон.
Лишь запах пороха повис от прожитых времен.
Ромьё остерег всех: Смотрите, капканы!
Виват, Маскариль! И гремят барабаны!
Рабочих во тьме, словно негров-изгоев,
Под палкою содержат, прескверно устроив,
Завален Париж миллионом указов, их – тьма,
И Сена покрытая льдом, как седая Нева.
Владыка же наш торжествует; шагает эффектно,
Порхает от мэра до мэра, префекта к префекту,
Декабрь, второе – укор оскорбленной страны,
Брюмер, восемнадцать – каймою с другой стороны,
В букетах цветов, колесницу торжественно тронув,
Уродец счастливый со свитой холуев-шпионов,
Вернулся он в Лувр, императором стать пожелав,
Он, как Бонапарт, изучает истории нрав,
И честь, и достоинство ищет в характере Папы;
Пред тенью Медичи снимает в почтении шляпу;
И сбросив порой свою мантию и циркуляры,
Вдоль озера бродит в казацких степных шароварах,
Смеясь, хлебных крошек оставивши сзади,
Он рыбок покормит, на нищих голодных не глядя,
Любимец казарм, что воздвигли его на престол,
Европа у ног уж трепещет, взирая на трон.
Он митрою правит с оружием, и есть у него

Три главных ступени: убийство, обман, воровство.
Каррара! Парос! Мрамор тысячелетних гробниц!
Былые герои истории прошлых страниц!
Диктаторы Рима, вам нечего больше стесняться!
Пора наступила на спутника полюбоваться.
Вон там, на фронтоне у храма явился святой,
Смотри же, история! Радуйся, племя людское!
Пока с Сципионами или Периклом, все мы,
Как жертвы тирана, великой печали полны,
На фризах сияющих, там, где побед славный рой,
И Цезарь в коляске с пантерою перед собой,
Все в пурпур одеты, из лавра в сплетеньи венков,
Среди волков в бронзе и златокрылых орлов,
Явилась звезда, как тождественный им триумфатор,
Как столпник, народный герой и святой император,
Он между Траяном и Августом сильно скучает,
В лазури небесной и вечности ярко сияет,
Венчает он храм древнеримских богов сановитых,
Мошенник Магер в башмаках вполовину разбитых!

Джерси. 31 января 1852.

II. Человек смеялся

«Только что господин Виктор Гюго в Брюсселе опубликовал книгу под названием: «Наполеон Ничтожный», которая содержит наи-более оголтелую клевету на князя-президента.

«Рассказывают, что в один из дней на прошлой неделе чиновник принес это творение в Сен-Клу. Луи-Наполеон, увидев, взял его и, едва взглянув, с презрительной улыбкой на губах, обратился к окружающим его людям.

Он сказал, указывая на брошюру: «Посмотрите, господа, это „Наполеон Ничтожный“ от великого Виктора Гюго.»

(Елисейские газеты, август 1852г.)

Ты кончишь, завывая, вершина лицедейства!
Едва оправившись от твоего злодейства,
Пока ты в пакостном триумфе почивал,
На лбу я метку у тебя нарисовал.
Смеется над тобой мятежная толпа,
Когда ты замер у позорного столба,
Когда ошейник жесткий твою терзает грудь,
И пуговицы с куртки летят быстрее пуль,
История одежды сорвала напоказ,
Ты говоришь: Не страшно? Высмеиваешь нас?
Каленое железо мне в руки дал Господь,
Уже сейчас я вижу дымящуюся плоть.

Джерси. 30 октября 1852.

III. Басня или история

От голода безумного терзаясь как-то раз,
Макака в шкуру тигра забралась.
И в этом образе ужасно злою стала,
Себе бессовестно присвоив право
Кричать на всех: «Хозяин джунглей – я!
Попробуйте послушаться меня!!»
Она, разбойница, сидит среди ветвей,
Ну, страху нагонять на всех зверей!
Повсюду смерть и вой, идет кровавый пир,
Макака все смогла, что б сделал тигр,
Жила в пещере, а вокруг была резня.
Любой боялся этой шкуры, как огня.
Она страшила, издавая страшный рёв:
«Полна моя пещера до краёв
Костями вашими!» – и все бегут долой,
Дрожа от страха: ведь пред ними тигр злой!
Но вот явился укротитель всех зверей,
И разорвал ту шкуру поскорей,
Избавил джунгли от гнусного обмана,
Сказав макаке: «Ты – лишь обезьяна!»

Джерси. 6 ноября 1852.

IV. Он – гнусный и убогий!..

Он – гнусный и убогий, законченная мразь!
И править будет этот понарошку князь?
Ведь оскорбляет небеса скипетр его порой,
Но милостию Божьей явился злой король!
И этот оборванец, что титул свой достал
С зачатием внебрачным и влез на пьедестал,
Подонки с эшафота, случайное дитя,
В чьем имени обман и ложь, сплелись не шутя,
Богема на смешеньи коварства или чванства,
Такой чужак войдет в кровь королей Браганса?
В домах Востока, Австрии найдется много мест! —
Благодаря обману, твердя: «Is pater est»,
Он закричит: Я – сам Бурбон (иль Бонапарт),
Цинично руки положив на стопку карт,
И скажет: это всё моё и я – герой войны!
Но верных нет ему солдат, бойцов его страны,
Что Курциусу возвратят монарха в воска мир!
Когда скажу я: негодяй! Мне эхо вторит: Сир!
Что! Этот вот, мужик, он – Франции король?
Кому оковы на ногах – прекраснейшая роль,
Гнить в трюме или же в тюрьме, ему там в самый раз!
Его Величество – томпак, фальшивый этот князь,
Ужасный, кровожадный, страна у ног его.
Он – император Франции? Величество его?
Он крутит ус свой мерзкий, не ведая того,
Что от лихих пощечин зардеется лицо,
И вот Сен-Клу покинув, как скомканный листок,
Он попадет в канаву и засорится сток.
– Мир! – говорят кретины. Окончен сей урок.
Три сотые от Бога! Мандрен – его пророк.
Он выбран был народом и царствует. Итак,
Понятно, что бесчестие – свершившийся факт.
Но кто голосовал? Кто урну там держал?
И кто среди ночи выборов на это всё взирал?
Где ж был закон в водовороте сброда?
Где ж наша нация? И где свобода?
Он выбран был!

Стадо, ведомое к пастбищу страхом
Между охранником и монахом,
Вы, полные ужаса! Чтоб Вас сожрать,
Ваш дом и леса, и ухоженный сад,
Люцерны стога и яблочный сидр,
Все время работают челюсти гидры,
Вы ждете законности, добрые люди,
Что в Ваших домах Божья воля пребудет?

Там души, погрязшие в золоте подлом,
И мэры на выборы тянут упорно;
Кюре и служаки кричат с аналоя,
И демона славят без сна и покоя.
Кто вас разгневал, как пламя полено?
Купцы, чьи балансы колеблются нервно?
Согбенные старцы, угрюмые слуги,
Разносят которые жуткие слухи,
Роковая трибуна и зловещая пресса;
Фат, сеющий страхи, исчадие беса?
Вольнодумцы, кутилы, фанаты, кричите,
Вы почти в преисподней, прошу – не молчите!
Эти парни собрали в единую кучу,
И мессы, и оргии, и страшную бучу,
Спасенье небес и интрижку с простушкой;
И спины, что кланяются колотушке;
Австрияк эшафотов созерцатели вечные,
И с пустым кошельком, аферисты беспечные;
Инвалиды и львы, обращенные в псину,
Идиоты, что гнут перед ним свою спину,
Вы, Панургово стадо, он – ловец ваших душ
Чудесами, где правит волшебник Картуш;
Вы – писаки бумаг и капустовы слуги,
Вы во Францию верите ль? Что с вами будет?
Разве это народ? Нет у вас, господа,
Права выбрать властителя. Куча скота!
Права этого, знайте же, псины Мопа! —
Сам французский народ не имеет пока.
Правду в грязь не уронишь, и как ты ни мажь,
Свобода – не тряпка для мелких продаж,
Что брошена в кучу дешевой торговке.
Когда для народа готова веревка,
Есть право иным – оставаться собой,
Ведь есть у нас шанс управляться судьбой,
Тогда, не страшась этих бестий безликих,
И худший из худших проснется великим.
Вы ж счастье нашли, о, ничтожные твари,
В грязи жить, обмане и ложном угаре,
Навоз обожая с парчовой накидкой,
Что для честных людей превращается в пытку.
Я, с падением других, не хочу быть все ниже.
Чести я не терял. Не посмеют в Париже
Отобрать мое имя, свободу, любовь,
На земле все равно день пробудится вновь.
Невозможно пленить миллионы рабов.
Я свободен. Так учит Катон. И никто
Не повержен, пока хоть один не упал,
В нем крови отцов непокорный накал,
Добродетель и гордость, история, право

И вся нация с вечно немеркнувшей славой—
Всё в душе у него, он согнуться не может.
А для стойкости храма колонна поможет.
Ведь француз – это Франция, римлянин – Рим,
Кто сломает народ – вечно будет гоним!

Джерси. 4 мая 1853.

V. Дворцовые интриги

После сиянья яркого ликующей свободы,
После великих войн великого народа,
Вихрь небывало дикий;
После Маренго славного, что светится на карте,
Тацит назвал бы первым Бонапарта
Среди великих.

И после мессидора, прериала и фримера,
И стольких предрассудков, гидр, химеры,
Исчезнувших в веках;
Когда трон пламенем объят, а скипетр в пепле,
Бастилия расстреляна, удары молний крепи
На царственных холмах:
Колоссам и гигантам этим вышли сроки,
На Бога осерчавших, как бульдоги,
Он им ответил: Вон!
Республика свободы подобна океану,
Где встретили отцы, как Левиафана,
Наш девяносто третий год,

Затем Дантон, Сен-Жюст и Мирабо, титаны эти,
Сегодня ж Франция, пример столетий,
Рассматривает злобный эмбрион,
Настолько малый, что война, как пародокс,
Где в капле бьется немощный вольвокс
Напротив вибриона!

Позор какой! И Франции сегодня не к лицу,
Знать, кто там нынче фаворит, в Сен-Клу,
Мопа или Морни?
Да, эти сберегли ему порядок и семью.
Один из них уж тащит девок ко двору,
Другому ближе холуи.

Брюссель, январь 1852.

VI. Восточное

Как-то Абд-эль-Кадер в своем застенке
Мужчину узкоглазого приметил,
Кого страна и шут Тролон, заметьте! —
Зовут, меж тем, Наполеоном третьим; —

Он видел подлеца в оконный переплет,
Как стадо верных слуг за ним отныне
Почтительно поклоны оземь бьёт,
Он, этот рыжий человек пустыни,

Султан, под пальмами рожденный,
Хаджи – задумчивый, жестокий,
И спутник красных львов плененный,
Эмир со взглядом темнооким,

Фатальный и решительный герой,
Как привидение в бурнусе белом,
Когда-то прыгал, увлечен резней,
Затем в ночи он падал на колени,

Садждаду из широкого шатра достав,
Спокойно руки к небу воздымая,
Молился он у придорожных трав,
В них кровь струилась липкая, живая;

Он жажду утолить сумел мечей,
И восседая на горе убитых тел,
Мечтатель пламенный убийственных ночей,
Он созерцать красу небес хотел;

Но повстречав коварный, лживый взгляд,
Он прочитал позор на лбу чужом,
И мусульманин, доблестный солдат—
Кто этот человек? – воскликнул он.

Он сомневался, но ему сказали так:
Смотри же и возьми свой меч, эмир!
Ты видишь маску эту подлую в усах?
Он самый главный среди них бандит.

Ты эти стоны горькие послушай,
Их крик в ушах, как горестный набат,
Он продал дьяволу свою гнилую душу,
И женами, и матерями проклят;

Он разорвал им сердце беспощадно,

И сделал вдовами, бесславный душегуб,
Он Францию зарезал кровожадно,
Теперь он гложет этот бездыханный труп.

Тогда Хаджи приветствовал его,
Но силою воинственного духа
С повадкой хищника кочевник боевой
С презрением чудовище обнюхал.

Джерси. 20 ноября 1852.

VII. Добрый буржуа в своем доме

«Как я счастлив, что родился в Китае! У меня есть дом, чтобы укрыться, достаточно всего, чтобы поесть и пить. У меня есть все удобства для нормального существования, у меня есть одежда, головные уборы и множество развлечений; по правде говоря, самое большое счастье – это моя доля!»
Фьен-Си-Хи, китайский ученый.

Есть буржуа, служащие коммерции покорно,
Что ближе даже к Хрису, чем к Младшему Катону,
И ценящие сверх всего лишь ренту и купон,
Держа гарпун на бирже, как будто мушкетон,
Хотя и честные, но из породы толстяков,
И чтят Фалариса за тугость кошельков,
Они и медного быка за золотого держат.
Они голосовали. И завтра же поддержат,
Но если кто-то вдруг напишет откровенно,
С ногами на камине, дымя самозабвенно,
То каждый голосующий рассудит дело так:
Да, эта книга – шок! Чудовищный бардак!
Да, по какому праву вот этот индивид
Напал на Бонапарта, я на него сердит.
Да, он, конечно, нищий. К чему ж такой памфлет?
Он прав, у Бонапарта Закона, Бога нет,
Да, он – клятвопреступник, грабитель и бандит,
И армия корсаров политику вершит,
Он выгнал высших судей, помощников прогнал
И принцам Орлеанским он в ренте отказал,
Он худший из злодеев, зачем же так кричать?
Я голос ему отдал, тогда резон молчать.
Быть против, это значит, себя мне обвинить;
Скажу себе, что трус я. И как теперь мне жить?
А смельчаки – другие? Нейтральность сохраняя,
Почувствую ущербным себя в дальнейшем я.
Согласен, на запястье веревка кожу трет.
Чего же вы хотите? Хозяйство как идет?
Республики боялись мы красной роковой,
И даже розоватой боялись мы порой,
За жулика считаем, но Император он!
Так, это очень просто. Террор со всех сторон,
Мы помним жакерию и призрака Рамьё,
Такой нашелся выход, все ж лучше, чем в ружье!
Когда же о правительстве напраслину несут,
Я чувствую внутри себя невыносимый зуд.
Возможно, что ругают его совсем не зря,
Но с ним меня ругают, простого буржуа,
Теперь он – император, и в том моя беда,
Ему лишь из-за страха сказал я прежде «Да».

И вправду, он нахальный, рассказывали нам,
Но страх меня обуял к безжалостным врагам,
Сегодня не приемлю отважных, удалых,
Считаю я за дерзость отчаянность других.
Мудрец, на лбу пунийца когда прочтешь, что он
Из порванного права свой вытащил хитон,
Когда вы мстите людям, за горло их схватив,
Закон и клятва в силе, подумайте о них,
Меж избранным Сбогаром, Жеронт его избрал,
Перо ваше горящее, анархии накал,
Злодейства предвкушенье, с одной лишь стороны,
Ну, а с другой – та трусость, которой вы полны!

Джерси. Ноябрь 1852.

VIII. Великолепие

I

Когда все кончено и в унижении мы,
Порядок наведем, очистим все умы,
Шагаем с гордым видом; но наш позор испит.
Все это королевский двор вершит,
Все ожило, и чести им не надо.
Пора б добавить в эту грудю смрада,
Зародышей уродов и карликов помет,
Египет крокодила и мумию даёт,
Притон бандитский, дай нам шулеров;
Шекспир – Фальстафа, а леса – волков;
С тебя, Рабле, все вечно жрущий Грангузье,
Бридуасона ждём от Бомарше,
И дьявола от Гофмана. Дай ангела, Вейо!
Скапен Жеронта принесет в мешке своем;
Дюма – Карконтю, а Бальзак – Вотрена;
Вольтер – Фрелона, для кого родная мать – измена,
Мабиль – распутство красоты большого сада;
Нам Жилия Бласа от Лесажа надо;
Пусть Гулливер даст Лилипута. Слушай!
Еще б неплохо от Калло нам Скарамуша.
Монах нам нужен от игорного притона;
Монталамбер Мольера и Брюскамбиль Скаррона,
Все худшее к дурному тень страха соберет,
Тацит, из них мы сделаем империи оплот!
О, Ювенал! Мы знаем, кого позвать сенат.

II

Руэ – овернец, а Дукос – гасконцам брат,
Евреи, Фульд, Искарот Сибур, Шейлок,
Бошар, палач слащавый, виновник всех тревог,
И вы, Парьё, Бертран, проклятья патриота,
Барош, чье имя вызывает только рвоту,
О, служки церемонные, мошенники короны,
Трудитесь над спиной, чтоб чинно бить поклоны,
Подобострастно, чтоб Домье был очарован вами,
Изгибом ваших тел, учтивыми словами.
Согласны вы со мной, кого сейчас назвал,
Что Бог-мудрец совсем не зря его создал,
Для Франции, но все ж, ему Гаити подойдет.
И вас он породил, чтоб множить свой доход.
Философы, прижатые саднящей болью в сердце,
И вы, гуляки тертые, тюрьмы единовержцы,
Пошлите свой привет ниспосланному богом,
Правителю с небес, упавшему к порогу,

Усатый государь, с охраной в сотни будок,
Умеет их ценить за верность и заслуги,
И этот дивный князь, великородный некто,
Шлет Пуасси в сенат, Клиши шлет в супрефекты.

III

Затем теорию добавили к злодеяниям
«К чертям свободу, право – лицедейство!
Потом прогнулись в ряд, и преуспев, конечно,
В огонь бросали прессу, ораторов поспешно.
Со взятия Бастилии все нации пьяны.
Глашатаи, писатели уж больше не слышны.
Поэт опальный, он – умалишенный втрое;
Прогресс – обман, искусство – то пустое,
Мир мертв. А что, народ? Подобен он ослу
Закон наш – это сила! Поклонимся мечу!
Прочь Вашингтон! Да здравствует Аттила!»
Чтоб поддержать борьбу есть праведная сила.
Да, пусть они придут, без чести и без сердца,
Кто совестью грешит, с душою иноверца,
Их солнце поднялось, родился их мессия.
Все сделано, все издано, утверждено отныне,
Расстрелянная Франция в плену и спасена.
Птенцов растит сова Измена – дела...

IV

И что ж! Вот это нечто царит, чтоб истребить
Историю и право, и чтоб испепелить
Прах предков благородных и судьбы сыновей,
Софисты, солдафоны затягивают сеть,
Животные ночные полезли из берлог,
Радецкий эшафота обнюхивал порог,
Граф Дьюлаи усатый, безжизненный Буоль,
Гайнау, Бомба вместе плетутся ниотколь,
Народ мой безутешный, хотя и сокрушен,
За честь готов сражаться, как римский легион,
От Пешта до Парижа, от Тибра до Карпат,
По трупам бодро лезет тысяченогий гад.

V

Ряд толстых, умных книг два автора-лингвиста
Бато, как и Бозе, залили новым смыслом,
И кладезь этих знаний неплохо б повторить,
Чтоб букву каждую осмыслить, оживить.
Они нашли тотчас всем мерзостям позорным
Значенья новых слов. Так, фальшь с лицом покорным
Манжо зовется. А вот, в церкви Иисуса продают,
И слово «стыд» изменим, теперь его зовут
Сибур, предательство – Мопа; а вот, расправа—
Маньян, он – член сената и палач кровавый,

Здесь – малодушие, так Ардуэн зовется;
А Риансе, он – ложь, и держит он в колодце
Закованную правду в безоблачной ночи,
А имя «пошлость» носит Монлавиль-Шапюи;
Продажность для княгини название под стать,
Злость – Карреле; а «подлость», так бы Руэ назвать,
Делангля служкой мерзким неплохо б окрестить.
О муза, помни имена! Ты хочешь оценить
Продажные суды, с душой грязней навоза?
Начни-ка с Партарье, закончивши Лафоссом.
Позвал я Сент-Арно, убийца мне ответил,
И чтоб закончить трауром и ликованием смерти,
Святой Варфоломей на старой доброй карте
Уступит место, торопясь, божественному Бонапарту.
То, что касается людей, они проголосуют,
Как можно сомневаться? Париж уже ликует,
Сибура слушая, Тролона, тролонгистов,
Наполеоны оба слились дифтонгом чистым,
Берже сплетает их в отважный авангард,
Между Арколь, Лоди стоит бульвар Монмартр,
В зловонной, мерзостной тюрьме Спартак сейчас сидит;
Укрылся где-то Фемистокл и изгнан Аристид,
И Даниил уже во рву, сосед жестоких львов,
Мы миллионам брюхо распорем так легко!

Джерси. 20 января 1853.

IX. Веселая жизнь

I

Ну, хорошо! Мошенники и короли насилья,
Присядьте-ка за стол, поближе к изобилью!
Спешите! Разместите всех!
Так, ешьте, пейте, жизнь так мимолетна!
А весь народ, влачащий жизнь бесплодно,
Для ваших лишь утех!

Рубите же леса! Озера осушайте!
Урежьте-ка бюджет! И родину продайте!
Да, пробил час такой!
А вот последний су, еще поля возьмите!
И в городах рабочих заморите!
Вам это не впервой!

Попойка светит впереди! Веселье распирает!
А бедная семья в соломе умирает
Где нет дверей, окна.
Мужчина в полутьме лишь милостыню просит,
Их мать иссохшую едва уж ноги носят,
И у ребенка нету молока.

II

Цивильный лист, дворцы и миллионы!
Я в подземельях Лилля слышал стоны,
Я видел этот заунывный мрак.
Там, под землей, где призраки ночуют,
Согбенные; их задавила жизнь, прессуя
В железный свой кулак.

Они страдают, воздух там токсичен,
Слепой чахоточному пить дает привычно,
Вода в углах бежит ручьём;
Ребенок в двадцать, и старик за тридцать,
И каждый вечер смерть – жестокая убийца
С косою заходит в гости вечерком.

Здесь нет огня, дождь заливает окна,
Где скорбь и злоба ткут свои волокна,
О, труженики бедные, для вас!
Около прялки с нитью, которую мотают,
Убогость в келью мрачную вползает
Из окон, утопающих в слезах.

О, нищета! Мечтать семьей впотьмах,

Но рядом с ними только мерзкий страх,
Добро толкающий в объятья зла,
И дочь свою, принесшую еду,
Не смеет он спросить начистоту:
Дочурка! Где так долго ты была?

Отчаяние спит среди лохмотьев блеклых;
А там, в других местах, красивых, теплых,
Им далеко до этих передряг!
Девушка в розовом, а ночью – в фиолете,
Ползет, стыдясь костлявого скелета
И наготы червя;

Они дрожат сильнее, чем сточная вода,
Им нормы жизни не доступны никогда,
Продрогший до бесчувствия скелет;
Когда я к ним входил, угрюмый и понурый,
Девчонка милая со старческой фигурой
Сказала: «Мне уже семнадцать лет!»

Кроватки нет у изможденной мамы,
Она для малышей копает яму,
Как птица перебитая дрожа;
Невинные младенцы в убогий мир приходят,
Рождаясь, лишь могильный свод находят,
Без люльки, на пустой земле лежа.

Подвалы Лилля! Мрачные прогнозы!
Я видел, как из глаз катились слезы,
И умирал старик в постели.
И девочка со взглядом непостижным,
Младенец-призрак у груди недвижимой!
О, Данте Алигьери!

В мученьях их излишеств ваших корни,
Князья! Лишенья эту роскошь кормят,
О, ты, герой самодовольный!
И твой бюджет по капелькам струится
По сводам стен, где нищета таится,
И по измученным в неволе.

Из-под колес ужасной тирании,
Из-под винта, который раскрутили,
Как будто для прогресса,
И день и ночь, в постыдной своей сути,
Как виноград, который давят люди,
Выходит золото под прессом,

От всех невзгод, агоний предрассветных,

От сумрака, где нет надежды светлой,
От гибнущих во мраке душах,
Из черных нор глубокого страданья,
Из массы темной, полной увяданья,
Из этих, в нищете живущих,

Из бедных и голодных миллионов,
Из этой груды нищих легионов,
Что сеют золото, из жизни уходя,
Являются, блистая, монстры в розах,
Ползущие к дворцам и их метаморфозам,
И кровью человеческой следя!

III

О, рай! Великолепие! Бокалы господам!
Оркестр играет, блики на зеркале окна,
Столы сверкают, яствами манят;
Внизу, под их ногами, лишь мрак в глуши ночной,
И девственниц голодных неисчислимый рой
Рыдает ночью, душу леденя.

Вы, все, кто этих радостей нисколько не чужды,
Продажные солдаты, трибуны и суды,
Епископы без совести и бога,
Здесь, возле Лувра, бродит и бьется нищета,
Горячка, смерть и голод здесь вовсе неспроста,
И это к вашим радостям дорога!

Оборваны жасмины, ромашки у Сен-Клу,
Где фавориток рой резвится поутру,
Всем декольте показывая бойко,
На пиршестве, где люстра горит во сто свечей,
И каждая, смеясь, улыбкою своей
Съедает заживо несчастного ребенка!

Кого волнует это? Их жалоб скорбный ряд,
Но будь то император, то князь или прелат,
Они предпочитают веселиться.
Зато народ в слезах, голодный, грустный, злой,
Он должен быть доволен, услышав смех живой,
Взирая на танцующие лица!

И что ж! Наполни свой карман, сундук.
Тролон, Сибур, Барош! Вина полно вокруг!
Нам не хватало этой сцены!
Рыгайте, господа, когда народ в нужде,
И множьте нищету, она уже везде! – Веселием богемы.

IV

Они шагают по тебе, о, бедный мой народ!

И баррикады гул на штурм не позовет,
Лоб кровью залит твой,
Под колесом безумным, сверкающим в глуши,
Карете разудалой, которая летит,
Ты станешь мостовой!

Для государя деньги; для вас же – голодьба,
Плетешься, как собака, презреннее раба,
С хозяином на двор!
Ему наряд пурпурный; тебе – тряпье от них,
Им красота всех женщин и дочерей твоих,
Тебе же – лишь позор!

V

Ему история, как муза, – кто-то скажет,
И голос кто-то свой повысит и прикажет.
Что ж, смейся, истязатель и балбес!
Когда-то Франция вам отомстит сполна,
О, мать божия! И зазвучит набат,
Мерзавцев убивающий с небес!

Бандиты эти хуже, чем у древнейших рас,
Сжирающих народ, так просто, без прикрас,
Без жалости и вовсе без пощады,
Без сердца, низкие, двуликие, в дворцах,
Все вторят: Ах, поэт! Витает в облаках!
Пусть так. Но с гулким громом рядом.

Джерси. 19 января 1853.

Х. Император забавляется Песня

Для тех, кто изгнан и упрям,
Далече Франция, могила близко.
Возглавил князь веселый гам,
В театрах захотелось дам,
В лесах олени живописны,
Рим жжет опять корицу вам,
И вторят короли тебе: «Мой брат!»
Звонит сегодня отходную Нотр-Дам,
А завтра зазвучит набат!

И нравы откровенные тебе милей.
Или в изгнание! Иль в Африку в огне!
Компъень, владыка, полон лебедей,
И свита почивает в тени лесных аллей,
Венера засияла в тишине;
Вакханки полуголые подыгрывают вам,
Короной виноградной шелестят.
Звонит сегодня отходную Нотр-Дам,
А завтра зазвучит набат!

Осужденные строят маяк на берегу,
И к морю крепи волочат без сна!
Фанфары зазвучали призывно: Улюлю!
Звучит рожок, колышутся деревья на ветру,
Березы листья серебрят луна;
Собаки, в воду! И лесной олень к кустам
Бежит, теряя путь свой, наугад.
Звонит сегодня отходную Нотр-Дам,
А завтра зазвучит набат!

На каторге, в Кайенне работает отец,
А дети умирают, голодуют.
У волка для гиены вино в бочонке есть;
И пастырь в белой митре, двуличия венец,
Бокал свой над киворием смакует;
И Фавна-искусителя глаза, как угли, там,
В соседнем с ними логове горят.
Звонит сегодня отходную Нотр-Дам,
А завтра зазвучит набат!

Смерть поселилась на холме Монмартр,
Роден на сердце не скрывает ран.
А под столом ковер куницы, чей-то дар;
Кварталы Страсбурга и благовидный Шартр
С героем дня поднимут свой бокал.

Те, чья улыбка предлагает душу вам,
Корсеты их предложат грудь и зад.
Звонит сегодня отходную Нотр-Дам,
А завтра зазвучит набат!

Эй, пленники, живущие впотьмах,
Вы отдохните, хоть и непривычно!
А там фарфор саксонский и севрский на столах,
Едят они с улыбкой беспечной на губах,
И вылупилась поцелуя птичка;
Под хохота раскаты доступность этих дам
Его преобразит в безумный ряд.
Звонит сегодня отходную Нотр-Дам,
А завтра зазвучит набат!

Гвиана, этот карцер чудовищной печи,
Смертельный край, трудягами проклятый,
А ты ложись и спи спокойно до зари,
В ту самую кровать, где спал король Луи,
Великий Бонапарт и Карл десятый;
Поспи, пока овации слышны и тут, и там,
В подушках утопив невинный взгляд.
Звонит сегодня отходную Нотр-Дам,
А завтра зазвучит набат!

О, горе нам! Бандит свирепый этот,
Ему кинжалом заколоть страну не жаль!
Сегодня свадьба на погосте этом,
Невеста поднимается в карету;
Жених же наш – законный государь!
Пришла пора эпиталаму слушать нам!
У Франции жених – убийца, брат.
Звонит сегодня отходную Нотр-Дам,
А завтра зазвучит набат!

Джерси. 25 января 1853.

XI. Тропинки, где травка на взгорье

Тропинки, где травка на взгорье,
Долины, холмы, деревья,
Откуда молчанье и горе?
– Ведь он не вернется сюда.

Пустое окно средь окраин,
А сад был когда-то в цветах.
О, дом! Расскажи, где хозяин?
– Не знаю, в других он краях.

– Собака у дома зачем-то,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.